

Лица Семенова

Любовница
№2358

18+

Ли́ка Семенова

Любовница N2358

<https://litres.ru/73994971>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Мое заведение, мисс Абьяри — и мои правила. Только мои. Я не могу отпустить красивую женщину, не выразив своего восхищения. — Он коснулся правой рукой лба, губ, груди: — Позвольте представиться: Аскар аль-Зарах.

Я едва не отшатнулась. Один из богатейших людей мира, полномочный представитель Тахила, племянник султана Хариса. Я протянула руку, и аль-Зарах, следуя светскому этикету Альянса, прижал ее к губам, задержавшись неприлично долго. Коснулся кожи языком и, не отрываясь, посмотрел на меня. Отдернуть руку — значит оскорбить. И неизвестно, чем это может закончиться.

Если об этом узнает департамент — я пропала. Если об этом узнает Пол мне никогда не оправдаться. Но это оказалось лишь началом моих бед...

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Ли́ка Семенова

Любовница N2358

Глава

1

Мой номер 2358.

Я госслужащая.

Я штатная компаньонка с годовым окладом в восемьсот тридцать шесть тысяч условных крон. Страховкой тела. Социальным пакетом. Годовым отпуском. Медицинской страховкой. То, что не входит в пакет стандартного договора найма, оплачивается сверху. Любое отклонение от стандартных норм в пожеланиях партнера утверждается в головном офисе и оформляется документально. В мои обязанности входит удовлетворение сексуальных потребностей партнера, его сопровождение в качестве спутницы на публичных мероприятиях и скрашивание досуга. Второе и третье — на усмотрение партнера. Первое — непреложно.

Нам запрещено: выказывать пренебрежение партнеру, игнорировать просьбы, пропускать назначенные заранее и спонтанные встречи без веской причины, утомлять, предъявлять претензии, скандалить, выражать свое мнение.

Нам запрещено влюбляться — это записано отдельным

пунктом. И под ним мы ставим еще одну подпись. И в партнера, и в кого бы то ни было другого. Иначе лишат квалификации, признают профессиональное несоответствие и просто вышвырнут. И тогда мне конец.

Всю дорогу от парковки, где уже набирал высоту отлетающий служебный эркар, до шикарного ресторана на сто восьмом этаже здания коллегии адвокатов Альянса я твердила эти непреложные правила под звук собственных каблуков. Высокие шпильки — обязательный атрибут, без которого меня сочтут одетой с нарушением утвержденных стандартов.

Мой первый партнер и наша первая встреча. Если повезет, он станет моим единственным мужчиной на несколько лет. Я изучила досье вдоль и поперек, но личная встреча — совсем другое дело.

Я не должна была волноваться, но все же волновалась, как никогда — мое первое назначение, от которого многое зависит. Перед выходом даже хотела проглотить таблетку мидила, но это не приветствуется. Мидил успокаивает, но притупляет реакции. Это не профессионально.

Я подошла к стойке хостеса и остановилась перед улыбающейся блондинкой, которая смотрела на меня с явным восторгом:

— Мелисса Абьяри. Меня ожидает советник Фирел.

Девушка сверилась с компьютером и улыбнулась еще шире:

— Прошу за мной, мисс Абьяри.

Она засемила впереди на небольших устойчивых каблуках, и повела через огромный зал ресторана. Столы стояли редко, чтобы обеспечить гостям максимальное уединение. Чем дороже ресторан — тем реже расставлены столы.

Пол Фирел сидел у окна с бокалом виски и смотрел за стекло, в расцвеченную огнями ночь — его не интересовал ресторан. Широкая спина, затянутая в лоснящийся серый пиджак, удлинённая стрижка, пестрая от седины. В досье написано, что ему тридцать восемь. Некоторые мужчины не скрывают седину. В этом есть свое очарование. Но это все лирика — она не имеет к моей работе никакого отношения.

Он увидел нас в отражении стекла. Поднялся и кивнул, приветствуя:

— Мисс Абьяри.

Я подала руку:

— Для вас просто Мелисса, — я изо всех сил старалась, чтобы голос не дрожал, но даже самой себе казалась фальшивой.

Фирел дождался, когда официант придержит стул, позволяя мне присесть, и опустился напротив:

— Меню в вашем распоряжении, Мелисса. У них отменные стейки из браккской телятины.

Я кивнула:

— Благодарю. Доверюсь вашему вкусу.

Кажется, он доволен, мне хотелось так думать. И моей внешностью, и моим доверием. Я тоже вполне довольна, хоть

нам и запрещено оценивать партнера. Фирел был красив той сдержанной резковатой красотой, которой обладают зрелые мужчины. На лице уже залегли довольно глубокие жесткие морщины. Может, и слишком ранние. Особенно сильно бросалась в глаза складка на переносице, отчего казалось, что он насмешливо щурится. Его серые холодные глаза смотрели оценивающе, отчего становилось неудобно. Будто водили по коже куском льда. Взгляд скользнул по лицу, нырнул в откровенный вырез красного платья и задержался. В другой ситуации я бы сказала, что непозволительно долго. Но он имеет полное право меня рассматривать — договор подписан. И если он решит, что самое время уединиться в уборной ресторана — я не имею права отказать. Хотя... я бы очень не хотела, чтобы мой первый раз случился в туалете ресторана. От этой мысли подкатывала паника. Но Фирел обо всем знает. И он сам выбрал меня. Но намерен ли он с чем-то считаться?

Таких как я называют «нулевыми». Если простым языком — неиспользованными. Грубо? Пошло? О, да!

Хорошо. Если говорить простым языком, то все это редкое дерьмо, и от обычной шлюхи меня отличает лишь договор и удостоверение социального департамента. И куча нелепых условностей, которые называют инструкциями. Делая вид, что все это имеет значение.

Дерьмо!

Мой номер 2358. Нас помечают цифрами, как скотину.

Радует, что не ставят где-нибудь на заднице раскаленное тавро. Почему цифры? Потому что законный партнер может сменить мое имя. Назвать так, как ему нравится. Каким-нибудь сладеньким Фанни, Киттани, Лиллита. И начнется путаница. Номер не изменят, на номер всем плевать. Мой номер 2358.

Фирел сделал заказ и налил мне шампанского из стоящей во льду на столе бутылки. Спиртное — еще один пункт. Мне позволено выпить только с разрешения партнера. То же самое касается сигарет. Фирел не хочет, чтобы я курила, я читала это в договоре. Спиртное все же разрешено. Как заявлено: «на усмотрение».

Он поднял свой бокал, призывая меня сделать то же самое. Над столом поплыл тягучий стеклянный звон.

— За наше приятное и долгое сотрудничество, Мелисса, — прозвучало ровно, без эмоций, как протокол.

Я улыбнулась и пригубила, не сводя с него глаз, хоть внутри все холодело. Не знаю, сколько еще смогу так высидеть. Там, за стенами учебного корпуса все казалось иначе. Слишком далеким, нереальным. И простым. Как детская задачка. Но теперь я всего лишь красивая вещь, которой сидящий напротив человек может пользоваться по своему усмотрению. Когда пожелает. Сколько пожелает. Как пожелает.

На широком запястье Фирела заморгал коммуникатор. Он развернул световые панели, сосредоточенно что-то листал, поводя пальцем с полированным ногтем. Наконец,

свернул данные, поднялся, обошел стол и склонился ко мне:

— Мне жаль, моя дорогая, но я срочно должен идти. Вызывают в департамент. — Он дежурно коснулся губами моей щеки, будто делал это сотни раз: — Ждите звонка. Можете заказать все, что пожелаете на мое имя. Прошу прощения за испорченный вечер.

Я приветливо улыбнулась, так, как положено:

— Приятного вечера, советник Фирел.

— Пол.

— Приятного вечера, Пол.

Я смотрела, как удаляется его затянутая в серое широкая спина, и испытывала невообразимое облегчение. Не сегодня. По крайней мере, не сейчас. Не в туалете. Я жадно хлебнула шампанского и уставилась в окно. Реклама на стартовой площадке торгового центра «Каракатица» звала на Кобрерские острова. Губастая девка пошло посасывала коктейльную трубочку и скалилась в камеру искусственными зубами. Но меня от этого посылала передергивало.

Это неизбежно, я твердила себе это тысячу раз, но сейчас мечтала о том, чтобы отсрочить. Я чувствовала себя потерянной. Проданной. Вещью. Чего я хотела? За все надо платить. За шесть лет покоя. Если называть все своими именами, я всего лишь беглая дочь уголовника, брошенная в дорожном ресторане.

2

В тот день, шесть лет назад, я видела отца в последний

раз. За три месяца, которые он провел в Центральной тюрьме, мне позволили свидания лишь четырежды. Никогда не забуду это чувство: коридоры, решетки, надзиратели. Едва переступишь порог — будто перекрывают кислород, кладут на грудь каменную плиту. Она душит. Она пригибает к земле. Становишься ничтожным, виноватым во всем. И ты опускаешь голову, будто впрямь виноват. Помню руки досмотрщиков. Они задерживались на мне непозволительно долго. Шарили — и внутри все съеживалось от омерзения.

Красномордый боров в синем форменном кителе копошился между ног, терся пахом о мою задницу, пока в штанах не затвердело:

— Если сумеем договориться — устрою целых полчаса вместо десяти минут.

Я молчала. Не от того, что не знала ответ, а от того, что онемела. Эти руки, этот приглушенный шепот. Хотелось блевануть — но тогда точно не видать свидания. К горлу подкатывал ком, и я невольно зажала рот ладонью. Пусть щупает, пусть трется — это я стерплю. Больше — ни за что.

Мне было восемнадцать, я уже замечала, как на меня смотрят. Все они. Соседские мужики. Парни в школе. Просто прохожие. Отец искренне гордился моей красотой — но он всегда жил в каком-то другом, идеальном мире. Весь в своей работе. Я же уже не испытывала такого восторга. Моя внешность — как вшитый чип, который не позволит скрыться, спрятаться. Я уже знала эти взгляды. Липучие, как на-

гретая солнцем жвачка, выпавшая из чужого рта. Хотелось стряхнуть их, но они тянулись следом тенетами мерзкой резины. Это неприятно, кто бы что ни думал. Я сто раз говорила Дарке, единственной подружке, но та не верила. Все считала, будто кокетничаю, набиваю цену. Она не понимала, что это невыносимо. Говорила, что с радостью поменялась бы со мной местами.

Влажные ладони нырнули в штаны и легли на голую задницу. Горячие, будто их только что вынули из кипятка. Пальцы впились в плоть, наверняка, до синяков. Ногти скребли по нежной коже. Хотелось заорать. Высоко, визгливо, чтобы заложило уши, чтобы охрипнуть. Но я молчала и терпела. И была рада тому, что он стоит за спиной, и я не вижу красную рожу с отвисшей слюнявой нижней губой. На его кителе было написано имя, но я не хотела его читать. Не хотела знать имя. Он — безыменное нечто. Толстяк, наконец, вынул руки из моих штанов, но лишь для того, чтобы нырнуть под кофту и вцепиться в грудь. Наглаживал, теребил соски. Развернуться, полоснуть ногтями по рыхлой красной щеке. И все-таки конец: я больше никогда не увижу отца. А он не увидит меня. Сейчас я нужна ему больше жизни. Я не позволю ему почувствовать себя брошенным и забытым. Я есть. И я его люблю.

Толстяк склонился ко мне, прямо к уху:

— Ну? Хочешь полчаса?

Я покачала головой. Отчаянно, нервно. Лечь под эту ско-

тину — просто не смогу. Он отстранился, развернул меня к себе, взял за руку и припечатал себе между ног, на жесткий вздутый бугор. Я тут же отдернула руку, но он усмехнулся:

— Давай, детка. Иначе и десяти минут не увидишь. Разверну — и больше никогда к папаше не придешь. Ну, приласкай, чего тебе стоит.

Я глупо смотрела на его безобразные штаны и замотала головой. Знаю, чего он хочет. Конечно, все видела в инфосети, и Дарка сто раз рассказывала, давясь от смеха. Будь здесь Дарка — она бы не растерялась. Но я не Дарка. Я никогда не видела живого мужчину без штанов, если не считать одной стыдной случайности, и совершенно не хотела начинать настоящее знакомство с этого похотливого уroda.

— Пожалуйста, не надо.

Я с надеждой смотрела в его искрящиеся азартом глаза, но глупо было на что-то рассчитывать. Он потянулся к пряжке с эмблемой охранных войск, расстегнул пуговицу, нажал пусковой бегунок молнии. Я смотрела, как парализованная, и не могла отвести взгляд. Содрогалась от омерзения, но неумолимо смотрела. Толстяк запустил руку в штаны и вывалил толстый налившийся член с яркой блестящей головкой.

— Давай, детка, — он кивнул на пол перед собой. — Или пошла вон, шалава. Скажу, что предлагала себя, как взятку. Если очень постараться — сядешь, как и папаша-уголовник.

Я снова покачала головой:

— Не надо. Прошу.

Он изменился в лице, поправил штаны и потянулся к коммуникатору на запястье:

— Дик, зайди в восьмую — тут проблема.

Я смотрела на него, выпучив глаза. Кивала, как ненормальная, и шептала, чтобы он отменил вызов.

Толстяк посмотрел на меня, оскалился:

— Отбой, Дик. Улажено.

Только уже потом я задумалась: был ли Дик на самом деле?

Он вновь вывалил член:

— Давай, детка, постарайся.

Хотелось реветь, но слезы мне не помогут. Под его тяжелым взглядом я опустилась на колени, и отвратительный, обвитый венами ствол торчащий из черной мочалки, оказался перед моим лицом. Я подняла голову:

— Я не умею.

Толстяк смотрел сверху вниз, криво усмехнулся:

— Врешь.

Я покачала головой. Я не вру.

— Целка?

Я кивнула.

— Да что б тебя. Никогда не был первым. Хотя бы во рту.

От этих слов меня скрутило в приступе тошноты. Я представить не могла, что эту дрянь можно взять в рот.

— Учись. Ну, — он неожиданно погладил меня по макушке, как котенка, голос приторно смягчился, — давай, детка.

Это не сложно. Важно лишь старание. Ты ведь не хочешь меня расстроить?

Я медлила. Отвернувшись и, закаменев, смотрела на крашеную серым дверь, отчаянно надеясь, что она откроется. Что этому кошмару положат конец. Плевать на стыд, на все плевать. Не смогу. Не хочу.

Толстяк одной рукой взял меня за волосы на макушке, другой подцепил свой член и попытался ткнуть головкой прямо в губы, но я увернулась. Горячо прошлось по щеке, и я едва не дернулась от омерзения, сжала кулаки. Но подняла голову, выдавила глупую улыбку. Старалась выглядеть наивной до идиотизма. Что я могла? Тянуть время. Досмотры не могут длиться вечность. Кто-то же должен хватиться этого уroda? В часы свиданий время расписано. Я постоянно косилась на дверь. Если бы умела молиться — молилась. Всем существующим и несуществующим богам.

— Ну, давай. Поиграй с ним. Я не могу ждать вечность. Давай! Какая же ты милашка, как кукла.

Он вновь и вновь гладил меня по голове. Разомлел, размяк от предвкушения, сопел, как боров, и все время шарил потными ладонями. Кажется, даже забыл про время.

Когда неожиданно стукнули в дверь, я вздрогнула так, что села на пол. Внутри все ухнуло, будто оборвалось.

— Кантрон, сколько можно, — резкий голос и вновь гулкие удары по железу.

Толстяк отстранился, нехотя заправил свой отросток:

— Мы закончили, Дик. Выхожу.

Он нагнулся, вновь схватил меня за волосы и выдохнул в лицо:

— Ничего... в следующий раз продолжим. Ты ведь придешь. Никуда не денешься. А я буду ждать.

Я лишь кивнула. Сейчас главным было только одно — чтобы меня пропустили к отцу.

3

Я редела, когда увидела отца. И от того, что только что произошло, и от того, как он выглядел. Похудевший, постаревший. Потухший, будто из него выкачивали жизнь. Левая щека была сиреновой, как чернила, бровь рассекал свежий шрам. Его били. Моего папу. Плевать кто: сокамерники, надзиратели. Папу, который даже голос никогда не повышал. Все мое отошло на второй план. Рассыпалось в пыль. Хотелось передушить их всех. Одного за другим. Свернуть шеи, чтобы хрустели позвонки. Но я была бессильна, как пылинка в солнечном луче.

Папа был геологом. Увлеченным, азартным. Про таких говорили: «женат на профессии». После смерти мамы он больше так и не женился. Возился с картами, перекладывал минералы, что-то высчитывал, химичил, изобретал. Пытался привить такую любовь и мне, но вся эта возня оставляла меня равнодушной. Я просто колесила вместе с ним по стране, от Хотца на севере до Пакона на границе Серых земель — и меня это устраивало. До тех пор, пока мы не поселились в тру-

щобах Каварина, в поганом Муравейнике, похожем на хлипкий многоэтажный карточный дом. Мне было пятнадцать, и я почти ненавидела отца за это. Глядя на него теперь через решетку, я ужасно этого стыдилась. Я была дурой. Впрочем, как и все подростки.

Я села на привинченный к полу стул перед стеклянной за-
слонкой. Напротив, будто отражение в странном зеркале, сидел папа. Мы просто смотрели друг на друга, не отрываясь. Я старалась не плакать, даже улыбаться, чтобы хоть как-то подбодрить его. Хотя, после всего случившегося, наверняка, выглядела ужасно. Чувствовала себя еще хуже. Он тоже улыбался ниточкой узких губ. Робко, будто смущенно. О чем он думал сейчас? Я бы, наверное, не вынесла, если узнала.

Стекло дрогнуло со щелчком и поехало вверх. На просвет загорелся красный таймер обратного отсчета. У нас было десять драгоценных минут, но мы по-прежнему молчали.

Я заговорила первой:

— Здравствуй, папочка.

Я потянулась через решетку и взяла его за руку. Сухую, ледяную.

Он подался вперед:

— Здравствуй, моя хорошая. — Он всегда так называл меня: «моя хорошая». — Как твои дела?

Я мелко закивала, стараясь задушить слезы:

— Все хорошо.

Десять минут. Каждую истекшую минуту таймер издавал

отвратительный писк, от которого все внутри сжималось. Столько хотелось сказать, не уместить и в часы, но сейчас мы бессовестно тратили их. Молчали, смущались. Я просто сгорала от стыда, но он никогда не должен об этом узнать. Ему тоже было неловко, что я прихожу сюда. Отец строго спрашивал о бытовых мелочах, и я отвечала про оценки в выпускном классе, про то, что готовила вчера на ужин и насколько разумно я трачу деньги со своего счета. Будто это имело какое-то значение, будто заботило. Все не то. Я так и не понимала, за что его посадили. Официально его обвинили в шпионаже в пользу Тахила. В квартире и в мастерской отца были обыски. Но даже я, безмозглая девчонка, понимала, что это подлог. Мой отец не шпион. Не предатель.

Я не сразу поняла, что папа вложил в мою ладонь что-то колкое и холодное. Стальной кулончик на простой грубой цепочке. Солнце или звезда с множеством лучей, с покрытым синей эмалью кружком в самом центре. Он наверняка сделал это сам.

Я зажала кулон в кулаке:

— Спасибо. Это очень красиво.

Папа улыбнулся:

— Прости, моя хорошая, теперь мне больше нечего тебе подарить. Храни его, чтобы не забывать меня.

Я все же заревела. Отчаянно. Так, что перед глазами все поплыло. Все равно, что стоять в ливень у окна. Он говорил так, будто прощался. Я снова поймала его руку:

— Я люблю тебя. Люблю тебя больше всех.

— И я тебя.

Предательский счетчик отвратительно мелко запикал. Стекло дрогнуло и начало стремительно опускаться, отсчитывая оставшиеся секунды: шесть, пять, четыре...

Папа подался вперед, пытаясь руками остановить неумолимую переборку:

— Не оставайся одна...

Два. Один.

— Найди п...

Заслонка прочно встала на место, надежно отсекая звуки. Папа лишь шевелил губами, припав к стеклу, но я не понимала, что он говорил — перед глазами все плыло. Я видела размазанные пятна. С трудом различила, как два охранника подхватили его под локти и повели прочь.

Я так и не поняла, что он хотел мне сказать.

* * *

Известие о смерти отца пришло мне на коммуникатор. Как стандартное информирование о погоде в восточной части Каварина. Сообщалось, что он повесился. Точнее, я прочла следующее: «Удушение посредством повешения в виду самовольных действий». Бред, глупость, вранье. В жизни не встречала чудовищнее формулировки. Я не верила ни секунды. Что угодно, только не самоубийство. Возмущение от этой невообразимой лжи даже исказило боль утраты. Отрезок времени, который был после, я почти не помню. Что я

думала, что делала, как жила. Этот фрагмент будто стерли из памяти. Вырезали из тела то место, где он находился.

Я достала знакомый кулон из коробки со старыми вещами, которую хранила в гардеробной. Мои личные вещи. Единственное, что осталось, что смогла принести Дарка. Ерунда, но эта ерунда из моего прошлого. Любимая детская игрушка — потрепанный меховой зайчик в розовом сарафане. Фантики от старых конфет. Несколько фото родителей в карманном альбоме. Еще несколько безделиц, имеющих ценность лишь для меня. И папин кулон на простой цепочке.

Я долго грела его на ладони, вглядывалась в маленькие синие вихри в блестящей эмали. Я не могла надеть его целых шесть лет — личные вещи были под запретом. Теперь могу. Я защелкнула застежку на шее и прижала кулон ладонью. Я рада, что он есть. Особенно сейчас, когда все настолько зыбко.

Запищавший настольный коммуникатор заставил вздрогнуть. Я активировала кнопку связи — Кейт. Я улыбнулась:

— Привет, дорогая.

— Мелли, ну, как? Устроилась?

Я пожала плечами, хоть она этого и не видела:

— Наверное, да.

— Наверное? У тебя шикарная квартира у отеля «Факхир»! Мне такая даже не снилась.

Я улыбнулась:

— Да, ты права. Квартира прекрасная.

— А Фирел? Он отпускает тебя хотя бы поесть?

Я чувствовала, что она где-то там, на другом конце сети, просто пламенеет от любопытства. Но мне нечего было ей сказать.

— Фирел — моя работа, Кейт. Все хорошо.

Она пару мгновений молчала, понимая по тону, что что-то не так:

— Ты должна все рассказать!

— Пока нечего рассказывать.

Кейт хмыкнула:

— Значит, мне больше повезло. Ты свободна завтра в районе четырех?

— Что случилось? — не люблю сюрпризы. Сходить с ума до завтра? Нет, лучше узнавать сразу. — Давай сегодня.

— Нет, сегодня никак. Завтра узнаешь. Не сетевой разговор.

Я сглотнула. Что могло случиться?

— Кейт, хотя бы намекни.

— Это касается твоей работы, — Кейт даже понизила голос, как заговорщик. Я так и видела, как она многозначительно поводит темными бровями. — Больше сказать не могу, прости. Давай встретимся завтра в четыре в ресторане отеля «Факхир». У них такой кофе, что я за него душу продам.

— Хорошо.

Я отключилась. Кейт не сказала ничего особенного, но я

уже не находила себе места. Внутри все замирало, как при прыжке с высоты. Она любила напустить туману, но каждый раз я перебирала все самое плохое. Работа... все очевидно. В голову приходило только одно: меня снимают с назначения. Фирел отказался от меня. Посмотрел и отказался. Вот почему он за целую неделю даже не напомнил о себе.

4

Я едва дождалась встречи. За прошедшую неделю Фирел со мной так и не связался, и я лишь уверялась в мысли, что вот-вот придет извещение из департамента. Я не понравилась.

Не понравилась.

Это позор. Как он обосновал? Недостаточно красива? Не вызвала у него желания? Не понравился голос? Манеры? Других причин быть просто не может — для них не было повода. Он не знает, какова я. Он не дал мне даже шанса.

Знают ли об этой неделе в департаменте? Наверняка знают. Отказ на первом же назначении... Это крах. И он уже понижает мой чертов статус. Еще два отказа — и меня снимут за несоответствие. Это в лучшем случае. Если захотят — вышвырнут прямо сейчас, не давая шанса. Смотря что наговорил Фирел. И я останусь беззащитной. Выброшенной, как старый рваный носок. И что тогда? Самое поганое — я ничего не знала. Ничего. Стоит ли все еще чего-то опасаться? Повлияли ли на что-то эти шесть лет в Центре?

Я не знала.

Уже с половины четвертого я нервно мерила высоченными шпильками мраморную плитку перед входом в отель «Факхир», высматривала в толпе Кейт, но она, как всегда, опаздывала. Пунктуальная на работе, но за пределами департамента — просто кошмар. Я то и дело поправляла белую соболиную горжетку, соскальзывающую с синего атласа платья, бесконечно поглядывала на часы и проверяла наручный коммуникатор. Меня колотило от внутреннего холода и нетерпения. Я время от времени касалась отцовского медальона на шее — казалось, он придавал немного спокойствия. Я бы никогда не надела его при Фиреле, но с Кейт можно. Кажется, теперь мне все можно.

Я чуть не вскрикнула, когда кто-то сзади обхватил мои ноги. Увидев маленькие ладошки на коленях, я улыбнулась и развернулась, подхватывая белобрысого шестилетнего мальчонку:

— Привет, мой львеночек!

Лео. Сынишка Кейт. Я его обожала. Никогда не видела более милого ребенка. Он обхватил меня за шею и крепко прижался:

— Мелисса! Я скучал!

Я чмокнула его в щеку и тут же отерла помаду:

— И я очень скучала, мой дорогой!

Если у меня когда-нибудь будет ребенок, я бы хотела, чтобы он был похож на Лео. Кейт очень повезло. И пусть она воспитывает его одна — это лишь досадная мелочь. Мужчи-

ны приходят и уходят. Ее бывший муж — полный кретин.

Лео на какое-то время развеял мои тревоги. Да и лицо Кейт не предвещало великой беды. Она улыбнулась, в свою очередь чмокнула меня в щеку, обдавая духами:

— Прости, дорогая. Занятия в школе закончились раньше — и мне пришлось забрать Лео. Ты же не против?

Он поднял голову и пробормотал с совершенно серьезным лицом:

— Мама, я уже большой и не буду мешать вам с Мелиссой. У вас секреты.

Я не удержалась и поцеловала его в соломенную макушку:

— Ты наше сокровище. Как ты можешь помешать?

Кейт забавно сощурилась и заправила за ухо каштановую прядь:

— Мелли, ты его избалуешь.

Я лишь улыбнулась. Кейт взяла меня под руку и потащила в витражные двери роскошного отеля. Я никогда не была здесь. Кроме ресторана, в котором встретилась неделю назад с Фирелом, я нигде не была — только в учебных инсталляциях. Впрочем, какая разница — столы и чашки везде одинаковые.

Два невозмутимых портье в белых кафтанах и бурнусах склонили увенчанные тюрбанами головы и вручную распахнули перед нами двери, будто приглашали в старую чужеземную сказку. В наш век автоматизации это считалось безусловным шиком. Почти невозможной нарочитой роско-

шью. Люди — не машины, не автоматика.

Отель «Факхир» принадлежал племяннику султана Тахила Аскару аль-Зараху. Как и еще несколько роскошных отелей по всему Каварину. Маленькая патриархальная полудикая страна диктовала свои правила всему Альянсу. Все благодаря месторождениям сирадолита — основного энергетического ресурса. По нашу сторону от Серой земли недра были бесплодны. Тахил диктовал свои цены, и год от года они только росли, принося в казну султаната миллиарды условных крон. Весь мир играл по их правилам.

Едва мы вошли в невообразимый холл, изукрашенный изразцами и искусной мозаикой, к нам подскочил администратор, одетый не менее причудливо, чем портье, и коснулся в знак приветствия своего лба, губ и груди. Я знала, что значит этот жест: «я думаю о тебе, я говорю о тебе, я уважаю тебя». Мы изучали это на занятиях по культуре Тахила. Доисторическая дикость, которую сложно представить в современном обществе. Впрочем, и сам отель, и смуглого администратора с черненными подведенными глазами будто вытащили из дикого варварского прошлого. Я обернулась на Кейт и поняла, что она просто в восторге. О да, она до одури обожала эти тюрбаны, бурнусы и смуглых черноглазых красавцев, которые казались воплощением какой-то природной страсти. Потому и потащила сюда. В жизни Кейт не хватало страсти. Просто не было места. Она с утра до ночи работала секретарем по личностным связям в социальном департаменте, а

потом шла домой и занималась сыном. Для ее собственных личностных связей попросту не было времени.

Администратор поклонился сначала Лео — низко, почти-тельно, потом нам с Кейт, но уже без особого рвения, гораздо выше, будто формально:

— Добро пожаловать в отель «Факхир». Меня зовут Джафар. Что желаете?

Он будто все время обращался к Лео, тарасившему на него огромные голубые глаза. Какой восхитительный варварский шовинизм! Формально, мы пришли с женщиной, значит — он главный. И сущие пустяки, что нашему мужчине всего шесть лет. Таковы нравы Тахила.

Но Кейт это вовсе не смутило:

— У нас заказан столик в ресторане на четыре часа. На имя мисс Мотингейл. Это я, — она ослепительно улыбнулась, просто тая под черным взглядом Джафара. Да она пре-ображалась на глазах!

Он изящным жестом подтянул рукав кафтана и развернул световую панель наручного коммуникатора, проверяя озвученную Кейт информацию. Кивнул и белозубо улыбнулся:

— Прошу за мной, мисс Мотингейл.

Мы пошли по полированному мрамору, в котором отражались огни люстр. Я видела краем глаза, как Кейт смотрит в спину Джафара. Я никогда не видела ее такой. О да, Кейт из тех уставших женщин, которым катастрофически не хватает сильного плеча. Эти варвары воплощали на-

стоящую мужскую силу. Возмутительную, несправедливую, непреложную, первобытную, но порой такую желанную. Я знала, чего хочет Кейт — чувствовать чужую силу, которая укроет, оградит от всего. И она с радостью поменяла бы это на мнимую свободу. Свобода там, где тебе хорошо. Только она никогда не признается.

Мы вошли в ресторан, Джафар указал наш столик и звонко прищелкнул пальцами, подзывая официанта. Будто не существовало ни коммуникаторов, ни кнопок вызова, как в других заведениях. Наверняка, таким же точно щелчком подзывали службу и сотни лет назад. И, конечно же, ни одной женщины. В отелях аль-Зараха работают лишь тахильцы, и ни одна правоверная не выйдет обслуживать мужчин-иностранцев.

Наконец, принесли кофе, гору лукума и традиционные блинчики с медом и молоком для Лео. Меня буквально разрывало от любопытства, но Кейт не торопилась, будто забыла, что хотела что-то сказать. А может, не хотела при ребенке. Она блаженно откинулась на подушки и цедила кофе из маленькой узорной чашки, прикрывая от наслаждения глаза. Она просто обожала кофе, в отличие от меня. Могу выпить, скорее для того, чтобы почувствовать себя бодрее, но особой радости его вкус не доставит.

Лео поковырялся в блинчиках и заерзал на детском стуле. Конечно, он больше не видел смысла здесь сидеть.

— Мама, — он дернул Кейт за рукав, — можно я пойду,

посмотрю рыбок в фонтане?

Видно, он уже точно знал, чем занять себя в этом заведении. Кейт кивнула:

— Хорошо. Только аккуратно, и не суй руки в воду – рыбы откусят. И смотри, чтобы тебя не забрызгало, как в прошлый раз.

Лео кивнул и мигом унесся вглубь зала, где приятно журчал круглый многоярусный фонтан. Мое терпение лопнуло. Я отставила чашку и пристально посмотрела на разомлевшую Кейт:

— Говори же! Что случилось?

5

Сердце колотилось так, что разливалось шумом в ушах.

Кейт нахмурилась, отлипла, наконец, от подушек. Отставила чашку:

— Да ничего особенного! Ты аж побелела.

— Я со вчерашнего дня с ума схожу. — Я облокотилась на стол и подалась вперед, ловя ее взгляд: — Что случилось? Фирел отказался от меня?

Кейт остолбенела и вытаращилась:

— Ты с ума сошла? Какой мужик в здравом уме от тебя откажется? Или у вас что-то не так?

Ответ меня не устроил:

— Тогда что?

— Да все совсем наоборот! — Кейт тоже подалась вперед. — Я получила доступ к твоему досье для перевода в другую

секцию. Так вот: бронь Фирела на тебя поставили еще пять лет назад. Тогда я еще не занимала эту должность, сама знаешь. Первый раз такое вижу. Представляешь, пять лет! Это что-то да значит.

Я смотрела на нее, как на дуру. Сердце все еще бешено колотилось, отдавалось болью.

— И это все? — честное слово, хотелось что-то сделать. Шлепнуть ладонью, швырнуть смятую салфетку. Накричать, в конце концов.

— Ну да, — Кейт кивнула и, как ни в чем не бывало, засунула в рот ореховый лукум.

— И ты не могла сказать это по связи?

— Конечно, нет, — она нахмурилась. — Это же тайна департамента. Меня бы сразу на улицу вышвырнули.

Я просто не знала, что сказать. Точнее, хотелось сказать все, что я о ней думаю. Я хлебнула горькой жижи:

— Ты ненормальная. Знала бы ты, сколько я передумала. Так нельзя, слышишь!

Она посерьезнела:

— Прости, но... разве есть повод?

Я пожала плечами и запахнула горжетку, хоть в ресторане и было одуряющее душно. Хотелось расплакаться. И от недавних мыслей, и от вопросов Кейт. Я не любила проговаривать свои проблемы, как другие. Кейт начнет задавать вопросы, и станет только хуже. Они станут только ощутимее.

— Не знаю.

— Как так? Рассказывай.

Я усмехнулась и покачала головой:

— Нечего рассказывать. Совсем нечего.

— Он так плох? — Кейт искренне удивилась, округлила глаза. — А с виду такой мужчина... Знала бы ты, как Эрика Туссен из программного отдела по нему с ума сходит. Видный мужик. Еще и с положением. Не женатый. Мечта. Неужели он...

Я покачала головой:

— Я понятия не имею, что он... Плох, хорош. Он меня не касался. Да и видел всего минут двадцать. С первой встречи он поспешно ушел и больше не объявлялся. Уже неделю. Что я должна думать? Я вся на нервах. И эти твои сюрпризы! — меня даже бросило в жар.

— Даже не целовал? — она округлила глаза.

Я покачала головой.

Кейт пожала плечами, поджала губы:

— Фирел — большая шишка. Шутка ли? — Она посерьезнела, взяла меня за руку, приободряя: — Не жди, что он будет плясать вокруг тебя — это как раз твоя работа. Соблазни — это твоя прямая обязанность. Он может даже пальцем не шевелить. Прости, дорогая, но ты лишь развлечение. Мужчины... Не придавай их молчанию такого значения. И бери все в свои руки, если так переживаешь. Сама знаешь: вас заказывают те, кто не хочет лишней романтической мути, условностей. Хороший секс — основа всего. Ну! — она

одобрительно кивнула. — Это просто работа, договор. Твое дело — закрепить договор. И не тяни — департаменту не понравится, что ты все еще девственница. Никогда не докажешь, что там что-то не так. Сама понимаешь — затаскают на опросы. И если потом Фирела вдруг устраивает встреча раз в месяц — это его право. Да хоть раз в год! И ты не должна об этом переживать. Мелли, ты не жена. И не возлюбленная. Ты... — Кейт не договорила, отстранилась и сделала вид, что жадно глотает кофе.

Я нервно мяла салфетку. Она права. Во всем права. Я всего лишь шлюха в дорогой обертке. Но если бы он только знал, насколько это важно для меня. Если бы знал... И я ничего не могу рассказать. Даже Кейт не знает всего. Я должна сделать все возможное, чтобы Фирел оставил меня при себе. Не хочу попасть к куску жира или отвратительному похотливому старику — еще раз едва ли так повезет. А больше всего боюсь остаться ни с чем. С Фирелом до меня сложнее добратся. Я вытянула карту, о которой можно было лишь мечтать. Только бы не оказаться душой. Лишь бы Фирел объявился объявился. Лишь бы еще оставался шанс.

Кейт вновь взяла меня за руку и заглянула в глаза:

— Мелли, не переживай ты так. Все будет хорошо. Он еще и расставаться с тобой не захочет. Ну! Ты такая красotka — обзавидуешься. Вот я — завидую, — она многозначительно кивнула. — Я сразу заметила, как смотрел на тебя этот красавчик Джафар.

Я выдавила улыбку. Кейт я верила. И ее рассуждениям, и ее похвале. Она из тех, кому можно доверять. Единственная сейчас. Но она не мужчина. Она не Фирел.

Я улыбнулась:

— Может, пойдем отсюда? Просто погуляем на воздухе. Лео поел.

Кейт идея явно не понравилась, но она кивнула из желания подбодрить меня:

— Пойдем, если хочешь. — Она повернулась и бесцеремонно выкрикнула в сторону фонтана: — Лео! Мы уходим!

Лео, конечно, не отреагировал. Кейт поднялась и поджала губы:

— Ну, я сейчас ему устрою.

Я остановила:

— Подожди, не злись. И не ругай. Я сама за ним схожу.

Я поднялась, поправила горжетку и пошла к фонтану. Лео сидел на белом мраморном бортике и увлеченно кормил золотых рыбок отвратительными красными червячками, которые шевелились на чужой ладони. Брал пальцами и с восторгом швырял в чистейшую воду, наблюдая, как ленивые оранжевые рыбы вдруг становятся юркими и подвижными в борьбе за лакомство. Рядом склонился тахилец в безупречном черном костюме. Тахилец — здесь не перепутать. По цвету кожи и темным лункам ногтей, по черненным глазам, короткой ухоженной бороде. Без традиционной одежды он выглядел, скорее, странно.

Я подошла к Лео и тронула светлую макушку:

— Пойдем, львенок, нам пора.

— Сейчас. Еще немножко покормлю, они не доели, — малыш не хотел уходить. Было бы мне шесть — я бы, наверное, тоже не хотела.

Тахилец пересыпал червей в детскую пятерню и поднялся, буквально прожигая меня глазами:

— У вас замечательный сын. Хотел бы я иметь такого, — он небрежно вытирал пальцы белоснежным платком. Говорил тихо, с едва различимым мягким акцентом.

Я на мгновение замялась:

— Это сын моей подруги. Пойдем, Лео, мама ждет.

— Простите, мисс... — он дал понять, что хочет знать мое имя.

— Абьяри.

— Простите, мисс Абьяри, но вы очаровали меня, — он белозубо улыбнулся, но тут же помрачнел, сверкнули крошечные гвоздики-бриллианты в ушах. — Теперь я не позволю вам уйти без комплимента от заведения. И от меня лично. У нас принято одаривать красивых женщин. Это традиция моего народа, мисс...

Я поежилась, почти физически ощущая, как он раздевает меня глазами. Каждое тихое слово, слетавшее с четко очерченных губ, будто касалось кожи, обжигало. Он не сделал ничего, но все происходящее было вопиюще неприличным, полным тайного смысла и буквально повисшего в воздухе

желания. Я умела безошибочно это улавливать. Хотелось бежать. Я запахнула горжетку на груди, взяла Лео за руку — так стало немного спокойнее:

— Благодарю, но это лишнее. Мы уже уходим.

Тахилец тут же изменился в лице, прищурил черные, как обсидиан, глаза:

— Мое заведение, мисс Абьяри — и мои правила. Только мои. Я не могу отпустить красивую женщину, не выразив своего восхищения. — Он коснулся правой рукой лба, губ, груди: — Позвольте представиться: Аскар аль-Зарах.

Я едва не отшатнулась. Только этого не хватало... Один из богатейших людей мира, полномочный представитель Тахила, племянник султана Хариса кормит рыб червями в ресторане собственного отеля. Теперь я не могла промолчать:

— Мелисса Абьяри.

Я протянула руку, и аль-Зарах, следуя светскому этикету Альянса, прижал ее к губам, задержавшись неприлично долго. Коснулся кожи языком и, не отрываясь, посмотрел на меня. Отдернуть руку — значит оскорбить. И неизвестно, чем это может закончиться. И он это прекрасно понимал. Иностранки для них всего лишь шлюхи. Неверные — значит, доступные. Потому что для них нет запретов, кроме запретов своего бога. Я с трудом высвободила руку, думая только об одном: лишь бы об этом не узнал Фирел или какая-нибудь скотина из департамента.

Аль-Зарах проводил нас с Лео до столика, а я наблюда-

ла, как вытягивается лицо Кейт. Она побледнела, потом покраснела, когда аль-Зарах целовал ее руку. Даже показалось, что он переключится на нее, но, увы — у варваров в крови страсть к блондинкам. Он буквально впился в меня. Что-то набрал на коммуникаторе, и через пару минут к нам подошел слуга с подносом, с которого Зарах взял две резные коробочки. Одну он с легким кивком протянул Кейт, другую — мне:

— Прошу принять в знак моего искреннего восхищения. Красоту надо преумножать.

Кейт открыла коробку и замерла. Мне пришлось сделать то же самое: на белой атласной подушечке сверкала сапфирами пара увесистых золотых серег. В тон моему платью. Я понимала, что для него этот жест — все равно, что угостить чашкой кофе. Но дело даже не в цене. Я не имела права принимать подарки от мужчин. Ни от кого, кроме Фирела. Аль-Зарах поставил меня в чудовищное положение.

Я закрыла коробочку и отодвинула:

— Простите, господин аль-Зарах, серьги прекрасны, но я не могу принимать подарки от мужчин.

Он помрачнел, сжал челюсть:

— Почему? У вас есть муж?

Хотелось сказать: «Да», но я не имела права и на это. Даже в шутку. Я не жена. Если о такой лжи станет известно в департаменте — это чревато взысканием. Я решила быть максимально деловой и отстраненной. Никакого кокетства,

никаких двусмысленностей:

— Запрещают должностные инструкции. Мне очень жаль огорчать вас, но у меня строгие предписания.

Он прищурился, заглядывая мне в лицо:

— Такая роскошная женщина не должна работать, — прозвучало не громко, но на удивление холодно.

Мой отказ разозлил его. Если включить фантазию, я бы сравнила этот тон с полированным куском стали. Внутри пробежала дрожь, опускаясь куда-то в желудок. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку и подчеркнуть уважение к его сану, я сказала на тахве:

— У нас другие традиции. Но это не значит, что они плохи.

Аль-Зарах молчал, потом все же улыбнулся:

— Это уже полдела, — так же, на тахве. — Это все облегчит.

Мне не понравился этот ответ, хоть я и не уловила его смысла. Что «облегчит»? Лишь Кейт, не понимая ни слова на чужом языке, растерянно хлопала глазами. Хотелось провалиться, исчезнуть.

Меня спас сигнал коммуникатора — Фирел велел ехать в ресторан, в котором мы встретились в прошлый раз. Я наспех извинилась перед аль-Зарахом и Кейт и опрометью выскочила из отеля, оставив подарок на столе.

6

Я вновь шла по посадочной платформе от парковки до

дверей ресторана. Совсем как тогда, неделю назад. Но теперь к страху примешивалось острое чувство вины. Я вспоминала взгляд аль-Зараха — и он до сих пор прожигал меня. Так смотрят на женщину, которую до одури хотят. Прямо здесь и сейчас. Если бы так смотрел Фирел... Я представляла его холодные серые глаза и понимала, что это невозможно. В сравнении с аль-Зарахом он теперь казался куском льда. Чертовым куском льда, который нужно растопить. Но, может мне не дадут даже шанса. Кажется, у меня лишь одна попытка.

Я пересекла знакомый, совершенно пустой зал ресторана под стук собственных каблуков. Сердце отчаянно выбивало невпопад свой ритм. Фирел сидел за тем же столиком, с таким же бокалом, на дне которого золотилось виски с кубиком льда. Снова в сером. Похоже, он до тошноты консервативен. Увидев меня, он учтиво поднялся, дождался, когда официант придержит мой стул, и опустился сам. Ощущение дежавю.

— Добрый вечер, Мелисса.

— Добрый вечер, Пол.

Я старалась быть очаровательной, невозмутимой, уверенной, но внутри все тряслось, будто Фирел мог заметить ожоги от опаляющих взглядов другого мужчины. Я чувствовала себя так, будто изменила ему. Только сейчас я подумала о том, как вовремя пришелся его вызов. Если он уже все знает об этом постыдном инциденте, мне не оправдаться. Я не имела права позволять так смотреть на себя, так прикасать-

ся. Зачем Кейт вообще понесло в отель «Факхир»!

Фирел кивнул официанту, чтобы тот налил мне шампанского.

— Я должен извиниться за прошлую встречу, Мелисса. Прибыл посол Тахила — и это многое осложнило.

Я напряглась, судорожно сглотнула пересохшим горлом. Он говорил, будто специально, словно проверял крепость моих нервов, смотрел в лицо, чтобы не удалось обмануть. Ждал, когда не выдержу, расколуюсь. Или это лишь глупое совпадение? Аль-Зарах, действительно, прибыл, и я знала это лучше многих других. Преступник выдает сам себя — всем известная истина.

Я выдавила улыбку:

— Конечно же, я не сержусь, Пол. Долг — прежде всего.

О да! Конечно, нас учили сохранять лицо в любой ситуации, но учеба имела мало общего с реальной жизнью. Она не была жизнью — в этом вся разница. Теперь все летело к черту. В инсталляциях и симуляторах не было чувств. Мы всегда понимали, что ситуацию можно переиграть. До тех пор, пока она не станет идеальной. Многократно. В центре был лишь один-единственный страх — страх обычного ученика. Мы боялись коучей, комиссий, экзаменов, тестов. Особенно главного куратора и неоспоримый авторитет — миссис Клаверти. Ошибиться, забыть, промахнуться. Даже физиологические тесты превращались лишь в набор отработанных движений. Бездушная механика, умение отыскать нуж-

ные точки. Действия, утратившие свой первоначальный чувственный смысл. Порой, мы всматривались в лица экзаменаторов и видели одобряющий взгляд или недовольно поджатые губы. Это были знаки, которые помогали. Теперь остался единственный экзаменатор — реальность. Ее знаки я плохо понимала.

Фирел пристально посмотрел на меня и протянул свой бокал:

— За нашу встречу, Мелисса.

Я устремилась вперед тонким фужером, стекло коснулось стекла. Я до одури боялась, что он заметит, как дрожат пальцы.

— За нашу встречу, Пол.

Я жадно отпила, краем глаза наблюдая за его реакцией. Но он не выразил видимого недовольства. Мне нужно было расслабиться. Я чувствовала себя заледеневшей, деревянной. Когда шампанское отозвалось теплом в груди, стало немного лучше. Но ненадолго.

Фирел пристально смотрел на меня, елозил таким холодным взглядом, что захотелось поежиться, накинуть горжетку. Поджимал тонкие губы.

— Что у вас на шее, Мелисса?

Я вздрогнула и невольно прикрыла отцовский кулон ладонью. Я совсем забыла о нем.

— Старая безделица, подарок отца. Она дорога мне. И к платью подходит.

Пол скривился, хлебнул виски:

— Снимите немедленно. Вы не должны носить такие дешевые вещи.

Я с трудом расстегнула застежку дрожащими пальцами, кулон и цепочка скользнули в кулак, который я крепко сжала. В его словах было столько пренебрежения, что хотелось плакать от обиды. Я должна принимать и терпеть, потому что подобные слова — лишь уточнение его вкусов. Я не имею права обижаться. Я натянуто улыбнулась:

— Наверное, мне стоит извиниться. Подобное не повторится, Пол.

— Это лишнее. Просто учтите это впредь. — Он протянул руку ладонью вверх: — Отдайте это мне.

Я покачала головой:

— Простите, но это личная вещь.

— Я сохраню вашу личную вещь в своем сейфе. Чтобы уберечь вас от соблазна вновь продемонстрировать мне эту роскошь. Дурной вкус — это порок.

Я какое-то время молча смотрела на кулон и вложила его в руку Фирела, нарочно касаясь ладони:

— Как скажете, Пол. Только пообещайте вернуть. Эта вещь очень дорога мне.

Он не заметил касаний. Либо сделал вид. Хотелось просто врезать ему по гладковыбритой щеке. За снобизм. За пренебрежение. За мои сомнения. Но он, наконец, выказал хоть что-то кроме равнодушия. Мне стоило радоваться.

— Вы покажете мне все, что у вас есть, и станете надевать только то, что я одобрю.

Я улыбкунула и кивнула, хоть внутри все кипело, как в жерле вулкана. Многократно твердила себе, что это его право. Торговаться сейчас — глупо. Я не должна его раздражать. Фирел убрал кулон в карман и, как ни в чем не бывало, вернулся к виски. Он вправе выбирать мою прическу, цвет волос, худеть мне или толстеть. Маникюр, загар... черт знает что еще. Вплоть до того, сколько растительности оставлять в стратегически важном месте. Стоит радоваться хотя бы тому, что он позволил мне остаться блондинкой и не велел отрезать волосы. По крайней мере, пока.

Я допивала уже третий бокал шампанского и старательно делала вид, что всем довольна. Реальность ощутимо подернулась хмелем, и от этого стало легче. Фирелу принесли стейк, мне — легкий салат с морепродуктами. Мы натянуто говорили о сущей ерунде, и это напряжение совсем не придавало оптимизма. Пол был отстранен и, казалось, совсем не намеревался сокращать дистанцию. Будто я ужинала с каким-нибудь скучным двоюродным дядюшкой. Негодование по поводу дурновкусия — апогей его эмоциональной шкалы. Или это профдеформация? «Изнанка» дипломата? Или расчетливо ждал шагов от меня? Через две недели плановый визит в клинику для коррекцией контрацептивов. И тогда о том, что между мной и советником Фирелом не было ровным счетом ничего, станет известно в Центре. И если миссис

Клаверти — легенда Центра, то я стану его самым позорным провалом. Прوماхнуться с таким мужчиной...

Я, замирая, коснулась его пальцев и почувствовала, как он напрягся. Но руку не убрал. И глаз не отвел. Мы ничего не обсуждали: что я могу, что нет. Какой он хочет меня видеть. Все стандартные пункты, которые останутся только между нами. Кейт считает, что я должна брать ситуацию в свои руки. Видимо, она права. Но, совсем не этого я ожидала. Теперь я чувствовала себя просящей, навязывающейся. Одной из тех подвыпивших женщин, которые цепляются к мужикам по кабакам. Я не навязывалась — он сам выбрал меня. Выбрал, чтобы пренебрегать. Я твердила себе это, но все равно никак не могла отделаться от отвратительного чувства. Проще оставить все, как есть. Но, если он откажется от меня, я не прощу себе трусость. Я должна хоть что-то сделать, потому что не знаю, с чем столкнусь, если лишусь всего. И потом, неужели он привел меня в ресторан, чтобы смотреть, как я ем? Мне нужна хоть какая-то определенность.

Я хлебнула шампанское, прислушиваясь к приятной легкой мелодии, наполняющей зал. Посмотрела на Фирела:

— Вы танцуете, Пол?

Кажется, он удивился, даже насупился:

— Весьма скверно.

Я улыбнулась, стараясь быть очаровательной, вновь коснулась его руки:

— Я вам не верю. Потанцуйте со мной. Мне будет прият-

но.

Кажется, я поставила его в неловкое положение. Но он в своем праве отказать, если подобное действие его не устраивает. Это не обида — это уточнение условий. В следующий раз я буду знать, что не следует приглашать его танцевать. Точно так же, как надевать дешевку.

К моему удивлению, Пол все же поднялся из-за стола, подошел, предложил руку. Я приняла, и мы отошли на несколько шагов. Он положил широкие ладони мне на талию, я обвила руками его шею. Мы мерно покачивались в такт неспешной музыке и молчали. Как подростки на танцевальном вечере. Глупо и неестественно. Он не прижимал меня к себе, ткань на груди едва-едва касалась его безупречного пиджака. Смотрел куда-то в сторону, будто все происходящее было лишь дипломатической формальностью. Серой и хрустящей, как его идеальная рубашка. Я шагнула ближе, прижалась. Шампанское придало смелости — никогда столько не пила. Будь что будет — я не должна так оставлять. Нам обоим понятно, для чего я здесь. С ним. Кейт ожидала, что он растерзает меня в первый же вечер. Да все этого ждали.

Пол на мгновение замер, но тут же продолжил незамысловатое движение, будто ничего не произошло. Я легко погладила сзади его шею, нырнула пальцами в волосы. Мне до одури нравился его одеколон. Горький, древесный. Холодный, как и он сам. Этот аромат нарисовал в моем воображении покрытое инеем промерзшее дерево. Мы двигались

в такт музыке, я нежно перебирала пальцами, замечая, как участилось его дыхание. Мои касания не оставляли его равнодушным, и это было добрым знаком. Его ладони стали тяжелее, теперь я чувствовала, что он прижимает меня к себе. Я осмелела, рука нырнула за воротник рубашки. Его взгляд изменился, подернулся поволокой. Пол коснулся щекой моих волос.

Моя смелость либо все погубит, либо исправит.

Я мягко отстранилась, взяла его за руку:

— Идемте со мной.

Я направилась в сторону уборной, чувствуя, что у меня подгибаются колени. Я не знала, насколько далеко хочу зайти, как он все это воспримет. Понимала лишь одно — мы должны оказаться наедине. Мне это необходимо. Мы вошли в богато отделанное помещение, похожее скорее на музей, чем на сортир, автоматическая дверь щелкнула за спиной — нас никто не потревожит. Я заглянула в лицо Фирела и привстала на цыпочки:

— Поцелуйте меня, Пол.

7

Фирел пристально смотрел мне в лицо, молчал и не двигался. Я потянулась, мягко коснулась губами его сомкнутых губ. Сердце колотилось, как пойманная птица. Одно неверное движение — и я проиграла. Впрочем, может, я уже проиграла, и все, что я сделаю дальше, только приблизит меня к неизбежному краху. Пол просто стоял, как истукан. Не от-

вечал, но и не отстранялся. В учебных симуляторах больше желания и страсти, чем в нем. Если так, зачем он вообще кого-то выбирал? Теперь сказки Кейт казались полнейшим бредом. Я провела языком по его губам, на удивление податливым, с легкостью скользнула по ровным гладким зубам. Едва уловимый запах виски смешивался с древесно-морозным ароматом его одеколона. Фирел не сжал челюсть, не сделал ничего, чтобы мне помешать, будто с насмешкой ждал, желая посмотреть, на что еще я решусь. Я запустила руки под пиджак, поглаживая спину через хлопок рубашки, язык щекотал его нёбо. Я едва держалась на носках туфель, дотягиваясь, цеплялась за него, как за единственную опору. Фирел лишь шумно дышал. Не делал попытки ответить на поцелуй, обнять меня. Он не делал ничего. Чертова статуя. Даже выражение его напряженного и одновременно отрешенного лица мне не удалось прочитать. Он будто все время в чем-то сомневался. Нам преподавали основы физиогномики, психологию... но сейчас я чувствовала себя так, будто все шесть лет меня учили красиво пить чай и играть в пинг-понг. Все летело к чертям. Либо я такая бездарная ученица. Все самые глупые поступки совершаются либо по пьяни, либо в нервном потрясении... Два в одном.

Я поторопилась. Если бы я так не боялась лишиться этого назначения, вела бы себя иначе. Умнее, расчетливее, спокойнее. Так, как и следует. Мне было бы плевать. Миссис Грэнп постоянно повторяла, что мы не должны вмешивать чув-

ства. Чувства заставляют делать глупости. Мои чувства были иными: страх, неопределенность, но и они заставляли колотиться сердце, горячили разум. Заставляли делать ошибки. Я вцепилась в Фирела, как в спасительный буюк. Его положение гарантировало мне определенную безопасность. Я твердила это себе, как заклинание. Но, может я ошибалась во всем... И да, он мне нравился — не стану отрицать. Даже больше, чем нужно.

Глупый проигрыш... Отвратительный день.

Я опустила руки, отстранилась. Просто смотрела в помутневшие графитные глаза, не понимая, что теперь делать. Возможно, мне нужно уйти, избавить его от каких бы то ни было объяснений. Я не должна обременять его истериками.

Мы оба молчали. Пол поджал влажные губы и смотрел не мигая. Я уже не пыталась прочесть его лицо — теперь это было ни к чему. Долгие и долгие секунды. Я холодела под его взглядом, покрывалась инеем. Сейчас он скажет, что расторгает договор. И все будет кончено. Я опустила голову, шагнула назад, но, в то же мгновение Фирел прижал меня к стене, удерживая за запястья. У меня перехватило дыхание, подкосились ноги. Он склонился, требовательно впился в мои губы. С яростным напором, сминая, вторгаясь в мой рот. Я отвечала с той же яростью, сначала опешив, потом ликуя — он живой. И он хочет меня. О, это не подделать, не сыграть. Он спустился на шею, слегка прикусывая кожу, наконец, освободил мои руки, и я зарылась в его жесткие прямые волосы,

прижимала к себе.

Пусть здесь, пусть так — на это уже плевать, не это главное. Все глупые страхи физической близости отправились к черту. Он все же хочет меня. Я млела от его прикосновений, в животе завязался тугой узел. Его горячая рука легла на бедро, задирая платье. Он жадно оглаживал, сминал, проникая под кружево белья. Я целовала так, что заболели губы. Жадно, отчаянно, будто перед смертью. Какое-то время в тишине раздавалось лишь наше шумное дыхание и шорох материи. Я скользнула рукой к его ремню, намереваясь растегнуть, но Фирел внезапно отстранился, до боли сжал мое запястье и отвел руку. Какое-то время он молча смотрел на меня, словно обвинял, затем одернул пиджак и вышел, ничего не говоря. Лишь хлопнула дверь, будто отрезвив.

Я осталась одна в полном недоумении. Разгоряченная, с бешеным сердцем. Что это было? Слезы подступили внезапно, обильно. Я съехала по стене, обняла колени и рыдала так отчаянно, как не рыдала последние несколько лет. Вновь все катилось к чертям. Я все испортила. Я, наконец, поднялась, подошла к раковине и посмотрела на себя в зеркало: глаза покраснели, тушь размазалась. Я набрала воды в ладонь и плеснула на стекло, в свое отражение:

— Дура. Какая же ты дура!

Я оторвала салфетку, поправила макияж. Губы еще хранили следы страстных поцелуев. Розовые, припухшие. Фирел съел всю помаду. Что я сделала не так? Если бы я знала...

Наконец, я вернулась за пустой стол, накинула горжетку. Не согреться — спрятаться. Сама плеснула в бокал остатки шампанского и залпом допила, таращась в окно на уже знакомую девицу с коктейлем. Похоже, ее компания становится закономерностью. Я снова оказалась брошенной. И если в прошлый раз виновником оказался проклятый тахилец, то сейчас — только я сама.

Я не гожусь для этой работы — всегда знала. И в Центре знали. Низшие баллы по пункту лояльности. Так и не научилась отречься от собственного «Я», отделять себя от обязанностей. Но они сочли меня достаточно красивой, чтобы простить такие огрехи. Красота важна. Может, Фирел хочет видеть рядом лишь красивую куклу с хорошими манерами, которая будет его сопровождать? Разве сложно об этом сказать? Унылые приемы, протокольные встречи, компания в одном и том же ресторане, чтобы не слишком скучно было жевать неизменный консервативный стейк из бражеской телятины? Но эта версия вдребезги разбивалась о его поцелуи. Или мне так казалось? Я провоцировала его — он отреагировал так, как считал нужным. И то, что каких-то полчаса назад казалось настоящим и неподдельным, теперь представлялось совсем иным.

Дура. Настоящая дура. Плюнуть, пустить на самотек, и будь что будет. Если бы только знать, что мне больше ничего не угрожает. Прошло шесть лет — кому нужна глупая девчонка? Я переоценила свою значимость. Во всем. Дождаться

отказа Фирела, подать в отставку — и дело с концом. Устроиться официанткой в вонючую забегаловку, забыть про макиаж, каблуки, про то, что кому-то что-то должна. Но одна крошечная незначительная дрянь не давала покоя — он пренебрегал мною, как женщиной. И это обижало до слез. Задевало внутри нечто такое, что вынуждало выпрямиться и принимать этот глупый вызов. Я отчаянно хотела, чтобы он дрогнул. Чтобы пожалел.

8

Я сидела на заднем сидении эркара, глазела через окно в ночную темноту, расцвеченную вывесками, рекламой и фонарями. Я очень давно не видела ночного Каварина. Почти забыла, что он никогда не спит и никогда не замолкает. Вот так бы кататься до утра. Просто любоваться огнями, слушать шум и ни о чем не думать. Но еще больше хотелось съежиться на кровати, закутаться в одеяло и реветь. Некого стыдиться, не перед кем «держат лицо». Я почти забыла, что такое быть самой собой. Привыкла к круглосуточной слежке даже в собственной комнате в Центре — мы должны быть идеальными. Даже в одиночестве. Но в служебной квартире не было камер — я это точно знала. Туда мог прийти партнер, а это уже недопустимое вторжение в личную жизнь. Его жизнь — не мою.

Показался отель «Факхир», сверкающий, как алмаз. Теперь он вызывал не самые приятные ассоциации — я предпочла бы забыть все то, что там произошло, как страшный

сон. Эркарь свернул, облетая квартал, и спустился на наземную парковку перед домом. Я квартировала на восьмом этаже — заходить с земли было значительно удобнее, чтобы не спускаться в лифте сорок два пролета. Я рассчиталась с пилотом и поднялась в подъезд. Шпильки назойливо стучали по полированному мрамору холла, казалось, о моем возвращении теперь знал весь дом.

— Мисс Абьяри!

Консьержка привстала в своем «аквариуме» и верещала, что-то держа в руках. Я чертыхнулась и подошла. За две недели, что я здесь квартирую, консьержка миссис Гросвел возложила на себя обязанности моей лучшей подруги. Улыбалась, подхалимничала, бесконечно любезничала. Даже угощала печеньем. Вкусным, надо сказать. А мне просто хотелось заклеить ей рот, чтобы не слышать этого воодушевленного писка. Такие голоса у портовых регистраторш, у торговок фасованным хламом у дверей кабаков в Шестом квартале. Высокие, визгливые, проникающие под кожу, как ультразвук, и почему-то совершенно одинаковые. Будто их выбирали исключительно по голосу. Так же вопила квартирная соседка в Муравейнике, когда отчитывала своего великовозрастного сына. Не скупилась на слова, даже поколачивала. И все нюансы этой словесной роскоши просачивались через тонкую стену там, где стояла моя кровать. Именно благодаря этой бабище я при случае могла вернуть крепкое словцо. Ей и Дарке. Отец никогда так не выражался. Никогда.

Миссис Гросвел покинула рабочее место и выскочила в холл, сжимая пухлыми пальцами простую плексокартонную коробку. Небольшую, безликую.

— Мисс Абьяри, для вас доставка, — она широко улыбалась искусственными зубами, трясла головой, и невесомые голубоватые кудри колыхались, придавая ей сходство с облетающим одуванчиком.

Я взяла серую коробку, прикинула вес — что-то достаточно тяжелое.

— Кто это принес?

— Курьер, мисс.

— Я не ждала курьера. И ничего не заказывала. Вы, наверное, ошиблись, миссис Гросвел.

Она покачала головой, провела пальцем по крышке коробки. Под ее касанием тотчас проступила надпись: «Для мисс Мелиссы Абьяри». И точный адрес. Стало не по себе. Я поджала губы, чувствуя, как начинает колотиться сердце. Внутри скребла отвратительная догадка, которую я не хотела озвучивать даже мысленно. Это называется «предчувствие».

Я кивнула консьержке, намереваясь поскорее уйти:

— Спасибо, миссис Гросвел. Вы очень любезны.

Она хлопала глазами, улыбнулась, но по сморщенному лицу я понимала, что она просто сгорает от любопытства. Я сделала вид, что меня посетила догадка:

— Как я могла забыть! Подруга прислала термолистый чай. Очень советую, миссис Гросвел — очень хорошо для

лица. Утром и вечером небольшую чашку...

Миссис Гросвел многозначительно закивала — наверняка, сейчас же кинется заказывать.

Я отделалась от консьержки и поспешила в лифт. Руки предательски дрожали, пальцы стали деревянными. Произшедшее в ресторане выбило меня из колеи — я до сих пор не могла прийти в себя. Не люблю сюрпризы. Ненавижу. И не жду от них ничего хорошего. Я приоткрыла коробку и увидела внутри простую белую карточку, какие часто вкладывают в коробки. Когда я перевернула ее — едва устояла на ногах. Ненавижу предчувствия. Еще больше ненавижу, когда они сбываются. Внутри все ухнуло, будто оборвалось. Будто лифт резко затормозил на огромной скорости, и сердце подскочило к самому горлу вместе с желудком. Пришлось даже прислониться к стенке.

Черная уверенная вязь на тахве:

«Прекрасная Амáни, я никогда не терпел такого оскорбления, тем более, от женичины. От моих подарков не отказываются, как не отказываются от моей дружбы и моего расположения. Предпочту считать ваш поступок растерянностью и смущением, потому что иного объяснения не приму. Посылаю вам то, что преумножит вашу красоту сильнее, чем недостойный дар, предложенный ранее. Ас-кар-хан аль-Зарах».

Коробка в руках ходила ходуном, прожигала ладони. Я дошла до своей квартиры, долго не могла сосредоточиться,

смотря в сканер. Наконец, прибор считал данные, и дверь приоткрылась с едва слышным пискom. Я зашла в прихожую, тут же скинула туфли и без сил опустилась на пуфик, обтянутый мягкой белой кожей.

— Свет.

Тут же засверкали блуждающие лампы, как рой насекомых, собираясь под высоким потолком над моей головой. Я сняла дрожащими руками плексокартонную крышку, и достала красный лакированный футляр, похожий на плоскую дамскую сумку. Открыла и едва не отшвырнула. На бархатной подушке сверкало бриллиантовое кольцо. Три ряда огромных чистейших камней, оправленных в белый металл. Платина.

Зарах неплохо оценил меня. Амани... он назвал меня «желание». Будто дал кличку, как собаке. Будто присвоил. Это должно было льстить, но я не испытывала ничего, кроме отчаяния. Я захлопнула крышку, сунула футляр в коробку и отбросила ее на полочку перед зеркалом, как пустую безделушку. Уткнулась лицом в ладони и шумно дышала. Что теперь делать? Принять — невозможно. Недопустимо. Вернуть? Всучить администратору? А если отнести бриллианты в департамент и позволить службам уладить эту проблему? Я покачала головой: не знаю... Пожалуй, если отнести в департамент, дело, действительно, перестанет быть личным и будет иметь более весомые последствия. И как это отразится на мне? Черт возьми! Такую ситуацию никогда не рассматри-

вали в учебных инсталляциях. Видно, не могли измыслить, что она может существовать.

Я поднялась, запустила пальцы в волосы. Все завтра. Я слишком устала. Подумаю с утра, на свежую голову. Я побрела в спальню, на ходу расстегивая платье. Нашупала пусковой бегунок молнии на спине, нажала, чувствуя, как ткань расползается. Блуждающие лампы следовали за мной, как разумные светлячки. Я вошла в спальню и обмерла: все мои вещи были раскиданы, кровать вспорота, ящики гардероба валялись на полу. Толстый бежевый ковер был усыпан белым. В углу валялась помятая коробка, в которой я хранила старые вещи. Я кинулась, было, собрать мамины фотографии, но тут же остановилась. Лучше ничего не трогать.

Я бессильно опустилась на ковер и прислонилась спиной к изножью кровати: неужели все начиналось заново?

9

Я вернулась из Центральной тюрьмы уже затемно. Долго стояла над раковиной в тесной, пахнущей плесенью ванной, намыливая руки. Смотрела на себя в мутное зеркало с черными разводами под стеклом. Ничего не изменилось: тот же нос, те же глаза. Те же губы. Красивые, рельефные, яркие. Мне всегда нравились мои губы. Мамины. А она была красавицей. Теперь эти губы казались удивительно порочными. Я будто смотрела на них глазами мужчин и представляла, как они обхватывают налитый член. «Рабочие» — именно так сказала бы Дарка. И поржала бы, сопровождая слова недву-

смысленным жестом. Она никогда не скупилась на жесты. Впрочем, как и на слова. Смелая прожженная девица. Я ей немного завидовала. Как завидует чужой смелости человек, полный наносных условностей.

Я вышла из ванной и направилась в крошечную кухню. Открыла кран газового накопителя, поставила чайник на единственную огромную конфорку. Синее пламя загудело и облизало чайник. Я опустилась на табурет, выглянула на улицу сквозь мятые жалюзи. Темно и мутно. Было около десяти вечера. Лампочка над головой моргнула несколько раз и погасла. Опять отключили энергию. Я вздохнула, поджав губы, и достала из шкафа старую керосинку. Разожгла спичками и поставила на стол, наблюдая, как живлется не успевший разгореться желтый огонек на конце толстого фитиля. Странно было видеть живой огонь.

Когда я впервые увидела керосинку, думала, попала в дремучее прошлое. Не сразу поверила, что папа не шутит, называя это вонючее недоразумение источником света. Я привыкла к чистому свечению блуждающих ламп, к удобной и такой естественной электронике. Вся эта роскошь осталась в прошлом. Муравейники жили по старинке, будто век назад, до открытия сирадолита.

Когда мы с отцом поселились здесь, я ненавидела все: дома-штабеля, грязные зассанные лестницы, вечный сальный чад из забегаловки внизу, который неизменно тянуло в открытое окно. Квартирную соседку с ее визгливой руганью и

сыном-раздолбаем. Школу я тоже ненавидела.

Когда мы с папой колесили по Альянсу, я была прикреплена к высшей правительственной школе, как дочь сотрудника геологического ведомства. Училась дистанционно, через коммуникатор, и была всем довольна. Я очень хорошо училась.

Я так и не понимаю, что случилось. Мы резко сорвались с места, будто бежали. Меняли ржавые эркары, жили в каких-то отвратительных халупах и подолгу нигде не задерживались. Я пропустила целый год. Однажды вечером папа пришел и сказал, что теперь у меня новое имя. И фамилия. Не скажу, что имя Верони́ка мне очень нравилось — маме нравилось. Но оно было мое. Я тогда ничего не спросила. Просто кивнула. Слишком многое изменилось за этот проклятый год. Я устала. И плакать устала. Папа вписал меня в свою поддельную метрику, так как по возрасту паспорт мне еще не полагался. Так мы и прибыли в Каварин. В самую отвратительную его часть — многомиллионные трущобы, которые называли Муравейниками. Много-много Муравейников, составлявших едва ли не целое государство. Эти зловонные улицы становились отныне моим домом. Моим кошмаром.

Все Муравейники — будто мрачное глубокое прошлое. На их улицах часто можно было увидеть допотопные угловатые эркары на бензиновых производных. Переклепаные, как старые залатанные штаны, распространяющие вонь

и производящие такой шум, что вибрировали стекла, если проносились мимо окон. Такие машины были под запретом в Большом Каварине, а сирадолитовые движки оказывались не по карману трущобникам. Как и сирадолитовая взвесь, которой требовалось их заправлять. С каждым годом топливо лишь дорожало. Тахил, безусловный монополист по добыче сирадолита, лишь поднимал цены, прогибал Альянс и внедрялся в экономику, как чумная бактерия. Сначала они строили свои заводы, потом захотели доли в предприятиях Альянса. И они их неизменно получали. Без сирадолита жизнь просто остановится. Весь Альянс превратится в огромный Муравейник, коптящий керосинками.

В первый же день в новой школе я подралась. С Даркой. Из-за розовой кофты, которую весь класс дружно назвал порсячьей. Я бесила их. Так отличалась, что взбесила бы сама себя. Худая, высокая. Слишком опрятная, несмотря на то, что косы плела сама. И на год старше. Дарка позволила мне шлепнуть ее по щеке — и на меня посмотрели немножко по-другому. Потом она догнала меня по дороге домой. Не мстить, как я думала, — извиниться. Если бы не она — мне бы после уроков устроили «расписаловку». Так она назвала.

С тех пор мы дружили. Без нее я бы не выжила в Муравейнике. Ее мать была шлюхой и жила на улице Красных фонарей. Так называли. В Муравейниках не было точных адресов. Несколько параллельных улиц и переулков между ними считались одной улицей, застроенной сплошными борделя-

ми. Тысячи шлюх всех возрастов и обоих полов. И сотни сутенеров разной паршивости. Я была там много раз, но всегда мы с Даркой пробирались окольными путями, лестницами, переходами. Приходили в их с матерью квартиру и сидели, не высовываясь. Чтобы нас не видели лишние люди. Особенно меня. Мать Дарки, Кармелла, когда в первый раз увидела меня — долго качала головой:

— Ты, милая, хоть мешок на себя надевай — не спрячешься. Помяни мое слово: останешься в Муравейнике — как я кончишь. Не по своей воле — так заставят. И никуда не денешься. С такой красотой одна дорога.

Я испугалась тогда, хоть и не понимала всего. Дарка же ничего не боялась — уже в пятнадцать точно знала, что будет шлюхой, как мать. И будто радовалась. Но сначала хотела, как закончит школу, подать документы в социальный департамент и попасть в Центр. Чтобы выбраться из трущоб. Девственность имела там особое значение. Я не разделяла ее энтузиазма. Стать шлюхой со страховкой и соцпакетом... Конечно, это лучше, чем работать в Муравейнике. Но, шлюха есть шлюха.

Чайник засвистел, выпуская из носика струю пара. Я разбавила кипятком вчерашний чай, порылась в холодильнике. Хлеб и несколько кусков ветчины — все, что у меня осталось. Не потому, что не было денег — на счете, который открыл для меня папа, было не так уж мало. Просто не хотелось. Обычно мы вместе ужинали. Я приходила из школы и

успевала состряпать что-то съедобное. Получалось не очень, но он всегда хвалил. Поднимался из своей мастерской, которую снимал на первом этаже, смывал с рук техническое масло, и мы вместе ели. Разговаривали так, будто были где-нибудь в горах Хотца и любовались из панорамного окна столовой розоватыми от заката снежными вершинами.

Я нехотя, давясь, сжевала половину бутерброда. Все же швырнула остатки в контейнер и сунула в холодильник. Подцепила керосинку и пошла в комнату. Рухнула на кровать и смотрела в тусклый подрагивающий круг света на потолке. Наверное, Кармелла была права — в Муравейнике для меня одна дорога.

Я затушила керосинку на полу. Лежала в темноте и в тишине. Ни ругани, ни телевизора у бабки за стеной. Будто я попала в другое место, унеслась прочь из Муравейника. Я боялась даже дышать. Но что-то колкое пробежало по позвоночнику. Заставило прислушаться, напрячься. Я чувствовала чужое присутствие.

До моего слуха донеслось едва уловимое ширканье. Звуки осторожных шагов. Я похолодела, с ужасом понимая, что не одна здесь.

10

Я осторожно скатилась с кровати, проклиная скрипучее железо, пробралась к стене и прижалась, вытянувшись, будто хотела с ней слиться. Я слышала осторожные шаги, видела мелькающий синеватый лучик фонаря. Грабители? Восполь-

зовались тем, что вырубили энергию? Что брать в трущобах? Вещи? Почти ни у кого здесь не было путных вещей. Наличных — и подавно. Никто в здравом уме не станет снимать наличные.

Кажется, меня выдавало дыхание. Шумное, сбивчивое. Сейчас, как никогда, я чувствовала себя маленькой и одинокой. Беззащитной. Я положила ледяную ладонь на кулон, чтобы почувствовать поддержку отца, но стало только хуже. Пусто. Одурающе страшно. Будто меня выбросили в бездонную пропасть.

Как минимум, их было двое — едва слышно переговаривались, но слов не разобрать. Просто пришипетывающий бубнеж. Я вжалась в стену, мучительно соображая, как быстрее и незаметнее скользнуть к входной двери. Коммуникатор со мной, а больше ценностей в доме нет. Но для этого нужно было пересечь коридор.

Когда бабка за стеной врубила телевизор, я вздрогнула так, что ударилась затылком о стену, думала, сердце оборвется. Теперь они не услышат меня. Пожалуй, это был единственный раз, когда я была благодарна этой глухой карге. Но плохо другое — я не смогу услышать их. В уши била трубная музыка заставки идиотского телешоу, стена будто вибрировала в такт. Я подалась вперед, аккуратно выглядывая, старалась заметить тонкие лучи фонарей.

Только сейчас я осознала, что если включился телевизор — значит, дали энергию.

Они были в ярко освещенной кухне — конечно, я забыла повернуть выключатель. Ни о каких блуждающих лампах в трущобах не могло быть и речи. Дверной проем находился как раз напротив, и отбрасывал на пол коридора длинный светлый прямоугольник, врывающийся острым углом прямо в комнату. Проскочить к двери было не так уж сложно, но для этого нужно было выйти на свет. В любом случае, если я сейчас же не выйду — они зайдут сами. И черт знает, что у них на уме.

Я сжала кулаки, несколько раз вздохнула и осторожно выглянула, намереваясь бежать, что есть сил. Один из грабителей стоял прямо в дверном проеме кухни, спиной ко мне, и загораживал свет. Другого шанса не будет.

Я почти не помнила себя. Сорвалась с места и кинулась в коридор, в сторону двери, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Пронеслась мимо света, вывернула за угол, в узкий коридор, ведущий к приоткрытой двери, но тут же запнулась и рухнула плашмя, не успев подставить руки, и прикладываясь виском об пол. В голове отозвался глухой звук удара, короткий, уходящий вглубь черепа. Страшный звук, страшное ощущение, будто раскалывается кость, а содержимое черепной коробки превращается в кашу. Мне казалось, я лежала так целую вечность, вслушиваясь в расходящиеся по телу вибрирующие отголоски удара. Меня мучило. Время растянулось, как мягкая сахарная конфета, будто липло к коже. Когда я нашла в себе силы подняться на ру-

ках, почувствовала, что не могу пошевелить правой ногой. Я дернула несколько раз, ощущая упругое сопротивление.

Растяжка. Эти уроды поставили в коридоре растяжку. Ими балуются карманники в переулках Муравейника. Жертва падает навзничь, и пока еще не пришла в себя, ловкие ребята беспрепятственно чистят карманы и даже снимают наручные коммуникаторы. Но чтобы растяжками пользовались домушники — полный бред. Я повернулась и едва не закричала, когда в глаза ударил жалящий синий свет фонаря. Я замерла, глаза слезились. Но это не помешало освободить ногу от эластичной проволоки. Я все еще смотрела на свет, но едва заметно поползла назад.

— Не глупи, девочка.

Из темноты вытянулась затянута в перчатку рука. Теперь стало еще страшнее.

— Поднимайся. Мы не сделаем ничего плохого, если пойдешь с нами.

Я не собиралась принимать эту руку, ясно понимая, что тогда уже не вырвусь. Верила ли я этим словам — конечно нет. Тот, кто не хочет ничего плохого, не проникает в чужое жилище, как вор. И, конечно, не ставит растяжки. И куда «с ними»? Зачем?

Я облизала пересохшие губы:

— Я сама, ладно? Спасибо.

Я поднялась по стене, все еще ослепленная фонарем. Теперь я не видела вообще ничего, кроме жалящего яркого

круга. Ноги тряслись, казалось, что я вот-вот снова рухну на пол. Дверь была за моей спиной. Два, может, три шага. Я лихорадочно восстанавливала в голове картинку, как слепой. Главное знать, где что лежит. Слева – вешалка. Три крючка. На них две куртки, моя и папина, и моя школьная сумка. Рядом с вешалкой — выдвижная решетка, которая перегораживала коридор. Такие были почти во всех квартирах Муравейника, но мы ею не пользовались. И я не помнила, с какой скоростью она выезжает. Диод в кнопке давно перегорел, она не подсвечивалась, но кнопка должна быть рабочей.

Я показушно утерла нос рукой, делая вид, что давлюсь соплями, кивнула в сторону вешалки:

— Платок в сумочке. Можно?

Мне не ответили, и я сочла это разрешением. Подойдя к вешалке, нашарила нужную кнопку под курткой и делала вид, что ковыряюсь в сумке, пока не услышала скрежет. Как только решетка начала выезжать, я кинулась к двери, но там было предусмотрительно заперто на засов. К счастью, привычка дошла до автоматизма, я безошибочно нащупала засов, выскочила в подъезд и понеслась вниз по лестнице. Железо гудело, будто шла бомбардировка. Я цеплялась за перила, время от времени посматривала вверх, отчетливо слыша погоню. Меня трясло, я ежесекундно думала, что вот-вот рухну. До того момента, как недалеко от меня выстрел угодил в стену и нехарактерно мелко рассыпался, будто лопнула колба тонкого стекла. Кажется, это не обычная пуля. Что-

то похожее мальчишки таскали в школу, грозясь настрелять в задницу алгебраичке, в надежде, что та будет беспробудно спать неделю. Дарка тогда сперла одну и из интереса раздавила каблуком на бумажке. Растворимая капсула с какой-то медицинской дрянью внутри. Мы даже водой брызгали.

Я забыла, как дышать, и втопила по лестнице, больше не прислушиваясь и не приглядываясь. Меня могла спасти только скорость. Сейчас я была до одури рада, что не сняла кеды, и как свинья, в обуви влезла на кровать. Я выскочила на улицу и долго бежала, петляя узкими крысиными переулками, которые знали только местные, пока не добежала до Дарки.

Спокойно стало только тогда, когда меня обняла Кармелла.

11

Я по-прежнему сидела на ковре в изножье кровати, не понимая, что делать. Нутром, бьющимся пульсом ощущала, что все это не случайность — подарок из прошлого. Оно догоняло меня, но это обреченное осознание не вносило ясности. Я не имела ни малейшего понятия, что все это значит. Как не понимала и тогда — помнила лишь страх. Все, от чего бежала, возвращалось. У меня не возникало и мысли, что к этому погрому причастен аль-Зарах. Глупое совпадение.

Я прижала ладони к вискам, будто старалась удержать биение пульса. Промолчать невозможно, потому что сейчас у меня не могло быть ничего личного — лишь мятая короб-

ка со старым барахлом. Было лишь два варианта: звонить в департамент или звонить Фирелу. И то и другое грозило самыми непредсказуемыми последствиями. Хотя, все предсказуемо — меня просто вышвырнут. Я уткнулась лицом в ладони, шумно дышала, чувствуя, как они намокают от проступивших слез. Все было напрасно. Я представлялась себе такой ничтожной, никчемной. Я покачала головой: не знаю, как департамент закрыл глаза на заключение отца. Сыграло ли роль то, что он долгое время был ведущим сотрудником геологического ведомства? Или им было плевать? Но не думаю, что в департаменте были готовы к подобным последствиям. Сообщить в департамент — меня тут же отзовут. Сообщить Фирелу — он свяжется с департаментом, и меня тут же отзовут... Но Фирел сейчас главнее департамента.

Я развернула панель наручного коммуникатора и бездумно водила пальцем, проматывая туда-сюда список контактов. Следуя должностной инструкции, я должна поставить в известность своего партнера. Дальше он станет действовать так, как сочтет нужным. Пусть Фирел сам объясняется с департаментом. Плевать. Пусть этот кусок льда делает хоть что-то.

Я вытащила из списка нужный контакт, помеченный красным, как самый важный, и активировала голосовой вызов — не хотела, чтобы он видел сейчас мое лицо. Впрочем, его лицо я тоже не хотела видеть. И так знала, что ему плевать.

— Я слушаю, Мелисса.

Протокольный тон, плоский, как столешница. После уни-
зительной сцены в ресторане я с трудом представляла, как
вообще смогу заговорить с ним. И я молчала, как идиотка.

— Мелисса, я вас слушаю. Если вы намерены дышать в
коммуникатор, то вы отнимаете мое время.

Кажется, я покраснела. Его чертово время, которое, ко-
нечно, ценнее всего! К щекам прилила жгучая волна. То ли
стыда, то ли отчаянного гнева на непробиваемый снобизм.

— Простите, Пол... что отнимаю ваше время, — все же
голос дрогнул. — Но в моей квартире кто-то был. Вспорота
кровать и перерыты вещи. Я не знаю, что мне делать.

Теперь Фирел «дышал в коммуникатор». Я слышала толь-
ко отдаленный гул голосов.

— Мелисса, оставайся на месте и ничего не трогай. Я при-
шлю своих людей.

Он тут же сбросил вызов, и я не успела ничего добавить.
Впрочем, никакие дополнения его не интересовали. И он
сказал мне «ты»... Кажется, именно так выглядит пренебре-
жение в чистом виде. Впрочем, уж теперь ему на меня точно
плевать.

Агентов было двое. Оба такие же серые, как и Фирел, та-
кие же равнодушные и формальные. Разве что заметно мо-
ложе. Но непробиваемые лица вмиг добавляли им возраста.
Кажется, в дипломатическом ведомстве все такие.

Мне разрешили взять только чемоданчик с косметикой и
дамскую сумочку, с которой я была сегодня. Мы спустились

в холл, прошли мимо ошарашенной миссис Гросвел, которая немилосердно таращилась из своего «аквариума». Наверняка она подумала, что меня арестовывают, и уж точно разнесет по соседям. Впрочем, плевать. Вероятно, в этот дом я больше никогда не вернусь.

Меня без разъяснений посадили в эркар. Один из людей Фирела опустился рядом на пассажирское место, другой — впереди, с пилотом. Судно с шипением утюга сбросило воздушную подушку и стало набирать высоту. Наверняка, они везут меня в департамент. Я смирилась, откинулась на мягкую спинку сидения, прижала к себе сумочку. Эркар вырুল на магистраль и вклинился в поток, огибая отель «Факхир».

Я подскочила, припала к окну. Отель «Факхир». Проклятые бриллианты остались в квартире. Черт с ними, с камнями — в футляре записка, которая не оставляет места сомнениям. Идиотка!

Я порывисто развернулась к сидящему рядом агенту:
— Мистер, мне нужно вернуться в квартиру. Это очень важно.

Он даже бровью не повел:

— Зачем, мисс?

— Забрать личную вещь, которую я просто не могу оставить. Я растерялась... просто забыла, — я постаралась быть убедительной.

— Вы забрали все, что позволялось сейчас, мисс. Вам не

стоит переживать. Все ваши личные вещи останутся в сохранности и будут вам возвращены, как только мы разберемся в ситуации. Потом вы удостоверите, все ли на месте.

— Умоляю, мне нужно вернуться.

Я так нервничала, что даже не могла красиво соврать, придумать эту крайне необходимую вещь. В голову почему-то лезла только глупая идея с жизненно необходимым лекарством.

— Не положено, мисс.

Упрашивать было бесполезно. Я снова откинулась на мягкую спинку сидения и нервно ковыряла ногтем бусины на сумке. Должности я лишилась — это ясно. Но теперь панически боялась, что из моей оплошности раздуют скандал. Все, чего касался Аскар-хан аль-Зарах, носило международный статус. Поздравляю, мисс, это феерический провал. Проклятые бриллианты вытеснили и страх, и потерю работы. Если дело повернуть нужным образом, я могу даже попасть под суд. Например, за шпионаж в пользу Тахила.

Как отец...

Я похолодела и судорожно вздохнула, сжала сумочку до ломоты в пальцах. Фирел — советник по международным вопросам в дипломатическом ведомстве, член Государственного совета Альянса. Если меня обвинят в шпионаже — мне не спастись. Никто не поверит в глупую историю, которая случилась на самом деле. Просто не захотят поверить. Даже свидетельство Кейт ничего не исправит.

Я прижалась виском к прохладному стеклу, смотрела сквозь подступившие слезы на цветные огни ночного Каварина. Уже не пыталась понять, куда мы направляемся. Уже плевать. Наконец, эркар пошел на снижение и припарковался на крыше высотки. Я вышла, ежась на холодном продувном ветру — горжетка осталась в квартире. Задувало так, что порой перехватывало горло и, казалось что задыхаешься. Под конвоем охраны, я проследовала к павильону лифта. Не смотрела по сторонам, не считала кнопки — и без того понимала, что мы прибыли в социальный департамент. Лифт плавно остановился, мы гулко прошагали по глухому коридору с одной единственной дверью в самом конце. Один из агентов замер возле сканера, ввел несколько подтверждающих кодов. Дверь распахнулась, и меня подтолкнули в проем:

— Прошу, мисс.

12

Блуждающие лампы разгорались без команды. Вспыхивали, как вечерние звезды, одна за одной, освещая чистый просторный холл. Никаких посторонних звуков кроме едва уловимого шипения системы кондиционирования. Казалось, здесь было безлюдно.

Я оставила на стойке у двери сумочку и чемоданчик с косметикой, медленно пошла по широкому коридору, отделанному мрамором и дубовыми панелями, зябко потирала голые плечи. Здесь было холодно, почти как на улице. Я загля-

нула в один из дверных проемов и обнаружила просторную комнату с панорамным окном во всю стену, в которую вели несколько ступеней. Два длинных белых дивана, между ними мохнатая светлая шкура и свисающий с потолка короб открытого камина. На возвышении, у окна, за изящной колоннадой — круглый стол и пара кресел с высокими спинками. Похоже на необжитую гостиную. Нежилая квартира от департамента?

Я подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. В расцвеченной огнями ночи просматривался иглоподобный шпиль Центрального банка Альянса, горевший голубым. На самом конце шпиля, вокруг круглого навершия, крутились узнаваемые буквы, как спутник вокруг планеты. В отдалении светилась магистраль, напоминавшая мигающую цветную гирлянду. Район Центрального банка — самый престижный в Каварине. Квартиры здесь стоят астрономические суммы. Это не социальный департамент, и едва ли квартира от департамента. Одна из квартир Фирела?

Внутри все затрепетало от догадки, но я тут же убедила себя, что это ничего не значит. Прежде чем связаться с департаментом, Фирел должен был сам разобраться в ситуации. Ему просто не до этого.

Теперь я смотрела на апартаменты под другим углом, стараясь разглядеть в них личность владельца. Сдержанные, почти монохромные цвета. Белый, серый, черный. Древесные оттенки. Бархатные кресла у окна были неожиданного цве-

та морской волны, как глоток свежего воздуха, но, вероятно, это рука дизайнера, а не прихоть хозяина.

Я вышла в холл и пошла дальше по коридору, заглядывая в комнаты. Но все они были похожи. Гостиные, гостиные, гостиные. Те же цвета, та же простота, та же холодность. Дерево, камень, кожа, неброский текстиль. Холодный лабиринт ступеней, колонн, проемов, панорамных окон. Идеальная чистота, от которой делалось не по себе. Никогда не видела таких просторных апартаментов. В сравнении с квартирой в Муравейнике они казались целым мегаполисом. Что делать одному человеку в такой звенящей пустоте? Во всех этих комнатах?

Вероятно, квартира занимала едва ли не целый этаж. Каблуки гулко стучали по полированному мрамору, усиливая ощущение одиночества. Если жить в такой квартире, можно сойти с ума. Заблудиться, одичать.

Я не сразу заметила стеклянную лестницу, ведущую на этаж выше. Прозрачная, почти невидимая, будто вытесанная из цельного куска чистейшего льда. Если спускаться по ней в темноте, наверно можно запросто свернуть шею. Я опасно положила руку на перила, шагнула на ступеньку, будто хотела удостовериться в ее прочности. Удивительно, но ноги не скользили. Я поднялась, внимательно осматриваясь. Будет неловко, если здесь все же кто-то есть. Хотя бы домработница.

Кажется, передо мной была зона отдыха. Длинный полоса-

тый диван, несколько спортивных тренажеров у окна. Вероятно, вся эта стена представляла собой огромное бесконечное окно, и отовсюду просматривался ночной город. Здесь было уютнее, чем внизу, даже появились двери и ковры на полу.

— Весь свет.

Захотелось увидеть всю глубину пространства. Не бродить под огоньками блуждающих ламп, которые выполняли лишь вспомогательную функцию. Мягко засветился потолок, пилястры на стенах, разливая теплый приятный свет. Я пошла по коридору, заглядывая в двери. Спальни. К удивлению, довольно разные, но и это, похоже, была лишь воля дизайнера. Та же простота, та же образцовая чистота. Интересно, сколько народу, помимо роботов, убирается здесь?

Я заглянула в очередную комнату — похоже на кабинет. Закрыла дверь и тут же отстранилась. Вновь заглянула. Этот кабинет представлял собой разительный контраст со всей обстановкой. Здесь был бардак. Вероятно, было бы тактичнее назвать это рабочим беспорядком. Огромный стол был заставлен стационарными коммуникаторами, завален папками. Там же стояло несколько кружек и бокалов для виски. Горел активированный экран инфосети. На узкой полочке у стола была разложена геологическая коллекция на блестящих подставках. Совсем такая же, как была у отца. Милое совпадение. В мягком красном кресле с высокой спинкой на

подушках валялся мятый серый пиджак.

Я похолодела и поспешно вышла в коридор. Не думаю, что Фирелу понравится, что я без его ведома заходила в кабинет. Кругом наверняка датчики слежения. Впрочем... Я горько усмехнулась: почему меня все еще заботит мнение Фирела? Фирела больше нет, и те часы, которые отделяют меня от возвращения в департамент — всего лишь условность. А педантичный мистер Фирел не такой и педант, судя по его кабинету. Отчего-то казалось, что туда запрещено входить даже уборщице.

Хотелось сделать что-то детское, гадостное, из школьных проделок. Насыпать в чайную кружку соли, подложить кнопку в домашние туфли, что-нибудь пролить, запачкать. Глупая идея. Меня отчаянно грызла обида. Острая, свербящая, как крошечная заноза. Я вернулась, подобрала из кресла пиджак и накинула на плечи — я очень замерзла. И плевать на его мнение. Меня окутало знакомым запахом промерзшей древесины. Я прижалась щекой к лацкану, жадно вдохнула, ощущая, как древесная горечь приятно оседает в горле. Хотелось ощущать этот аромат бесконечно. И, черт возьми, как же он шел Фирелу, будто создавался специально для него. Может, так и есть, он может себе это позволить. Я вспомнила его руки, его требовательные губы с привкусом виски. Станный краткий миг, казавшийся сейчас таким настоящим.

Я вернулась в комнату отдыха, скинула туфли и сверну-

лась калачиком на краю дивана, посильнее запахнув пиджак. Выключила свет. Я смотрела на ночной город и ревела. Тихо, но горько и отчаянно. Вспоминала все события этого чудовищного дня, казавшегося бесконечным. Резиновым, безразмерным. Я пропала. И уже не понимала, что хуже: тюрьма или встреча один на один с теми, о ком я ничего не знала.

Мне некому помочь.

Я нашла себе занятие, чтобы отвлечься от ужасных беспросветных мыслей: смотрела на башню Центрального банка и считала, сколько раз горящая вереница букв обогнет круглое навершие. Двадцать семь... шестьдесят три... сто восемьдесят пять... Считала до тех пор, пока не почувствовала на себе тяжелый взгляд. Я утерлась ладонью, приподнялась на руках:

— Пол...

13

Фирел стоял у лестницы, положив руку на перила. В свете блуждающих ламп он казался актером на авансцене — четкий серый силуэт.

Я кое-как нашарила туфли, подскочила, инстинктивно кутаясь в пиджак:

— Прошу прощения, я... воспользовалась вашим диваном.

— Не стоит извиняться за это. С вами все в порядке, Мелисса?

Спрашивал так, что я просто глохла от холодной фор-

мальности. С тем же успехом мне мог бы задавать вопросы одежный шкаф или стойка для зонтов. Я чувствовала, как задрожали губы, глаза защипало. Я не должна плакать при нем. Не должна закатывать истерик. Не должна показывать малодушие. Я знала наизусть эти чертовы инструкции, но теперь они мне ни к чему. Как же хотелось просто надавать ему по щекам! Сказать, что он чертов сноб... И что я просто умираю от запаха его одеколona...

Я все же разрыдалась. И плевать, как это выглядело. Теперь я не сотрудник департамента, а всего лишь перепуганная девчонка из Муравейника. Ревела от страха, от досады. Но в эту самую минуту — от обиды, что Фирел пренебрег мной. Сейчас именно это скребло сильнее всего. Не так я хороша. Не так красива. Все было напрасно.

В его взгляде ничего не изменилось. А Дарка всегда утверждала, что мужчины не могут спокойно смотреть на женские слезы: либо отворачиваются, либо откровенно наслаждаются. Нет, ему было все равно.

Пол убрал руку с перил и засунул в карман брюк, будто подчеркивал пренебрежение:

— Так с вами все в порядке?

Я всхлипнула, как идиотка, и несколько раз кивнула.

— Ваши вещи подвезут, как только криминалисты сделают заключение.

Я снова кивнула, но почти не слушала. Лишь плечи ходили ходуном от судорожных вздохов. Я посмотрела в его лицо:

— Я взяла ваш пиджак... Здесь очень холодно.

Он снова не выразил недовольства:

— Климат. Добавление: плюс семь. — Он посмотрел на меня: — Скоро станет теплее. Вам нужно расслабиться, кажется, вы пережили стресс. Виски? Джин? Водка? Простите, другого не держу. Могу предложить лимонад, если вы не пьете в чистом виде.

На пиджак ему тоже было плевать. О да, я бы выпила. Чтобы ободрало горло, перехватило дыхание. Чтобы крышу снесло.

— Спасибо. Я бы с удовольствием выпила виски.

Фирел кивнул, обогнул диван, что-то набрал на панели в стене. С легким шипением выехал бар со стойкой, позвякивая подвешенными бокалами. Пол взял стакан, плеснул из початой бутылки и вопросительно посмотрел на меня:

— Чистый? — надо же, он изумленно изогнул бровь.

Я с готовностью кивнула:

— И не надо льда.

Больше эмоций я не дождалась. Фирел вышел из-за стойки, неся два бокала, кивнул на диван:

— Присаживайтесь. Полагаю, нам нужно поговорить.

Я буквально рухнула, понимая, что предательски подгибаются колени. Вот и все — сейчас он все скажет и вышвырнет меня. А я, как дура, все еще затаенно надеялась. Если бы я могла ему доверять...

Если бы только я могла ему доверять.

Я только теперь поняла: я видела в нем опору. Инстинктом, природным женским чутьем. Отчаянно хотела чувствовать защиту. И готова была многое за это отдать, со многим смириться. Несмотря на все учение, я смотрела на него, как на мужчину. Увидела в нем мужчину с той первой встречи и где-то внутри посмела на что-то надеяться. Я хотела бы все рассказать, скинуть ношу этого кошмара. Я совсем не знала его, но почему-то казалось, что знаю целую жизнь. Мне так хотелось.

Но он заказывал развлечение, а не проблемы. Развлечение оказалось с огоньком...

Фирел сел на расстоянии, протянул мне бокал. Я нечаянно коснулась его пальцев, но он не отдернул руку. И бокал не отпустил. Просто смотрел, и я не могла даже предположить, что скрывают эти стальные глаза. Почему-то казалось, что сейчас, в этот самый момент он способен ударить. Больше того: представлялось, что он нестерпимо хотел этого. Его расширенные зрачки выдавали эмоциональное возбуждение.

Наконец, он отпустил бокал. Я отстранилась и жадно хлебнула, чувствуя, как рот наполнился отвратительной, перекрывающей дыхание жижой. Я с трудом сглотнула и шумно дышала, прикрывшись рукой. Конечно, я пробовала виски. Нас учили правильно пить все известные напитки, но именно сейчас я напрочь забыла уроки. Хлебала, как воду. Фирел сделал вид, будто ничего не происходит. Цедил из

своего бокала, расслабленно откинувшись на спинку дивана.

— Мелисса, у вас есть какое-то предположение на счет этого происшествия?

Я замялась, вновь отхлебнула, чтобы скрыть неловкость. Наконец, замотала головой:

— Нет. Никакого.

Я лгала, но в то же время... У меня были догадки, что это те же люди, которые гоняли меня по трущобам шесть лет назад. Но кто они — я не имела ни малейшего понятия. Не знала, кого стоит подозревать. Не так уж и велика моя ложь. Когда Фирел вернет меня в департамент, это вообще не будет иметь никакого значения. Не хочу, чтобы он копался в моем прошлом. Кто угодно, только не он. Все вернулось к исходной точке...

Нет, стало хуже. Оставались проклятые бриллианты, и сейчас они представляли едва ли не большую опасность. Но нет, даже сейчас я в полной мере не осознавала весь ужас своего положения. День был безумным. Про такие дни говорят, что лучше бы их не было вовсе. Кошмар за кошмаром. Я стократно кляла себя за глупость. Почему я тут же не вернула подарок в отель, едва открыла коробку? Нужно было бежать со всех ног. Я бы призналась, прямо сейчас, в лицо... если бы был другой даритель. Как же хотелось признаться. Как ребенку, который несет домой секреты и чувствует небывалое облегчение, рассказав. Но Фирел не поймет. Никто не поймет.

Он молчал, лишь поглядывал на меня, не отрываясь от бокала. Изучал. Будто ждал, что расколуюсь. Будто знал, о чем лихорадочно думаю. Знал ли он хоть что-то?

— Мелисса, было ли что-то после вашего выхода из Центра, о чем я должен знать?

Я едва не уронила бокал. Наука утверждает, что никому не подвластно читать умы. К черту ум! Глупо сомневаться в том, что Фирел прекрасный физиогномист. А я выдаю себя с потрохами. Но пока он не знает подробностей, его это просто забавляет.

— Нет, — я замотала головой. Пожалуй, слишком поспешно, нервно.

— Тем лучше.

Но я не поверила. То же смутное ощущение, будто он способен ударить. Будто мучительно хочет, но сдерживается. Фирел поднялся, подошел к бару и вновь плеснул в свой бокал:

— Я не терплю лжи, Мелисса. Любой лжи. Маленькая ложь порождает большой обман. А обман — это всегда предательство. За предательство невозможно щадить.

Каждое слово отдавалось гулом внутри. Будто капала вода в глубокий железный колодец. Опять наворачивались слезы.

— Вы согласны?

Он внимательно смотрел, не отрываясь, будто хотел уловить малейшее изменение на лице, искал фальшь.

Я снова кивнула:

— Да. Я согласна.

Он вновь нажал на панели, убирая бар:

— Полагаю, это вам больше не понадобится?

Я покачала головой и зачем-то поднялась, почувствовав легкое головокружение. Мне хватило нескольких глотков, чтобы захмелеть.

— Прекрасно. Вы можете занять любую из свободных спален. В кухне вы найдете меню ресторана внизу. У них сносные стейки. Надеюсь, вы сможете самостоятельно заказать себе ужин?

Я только кивала и кивала, не в силах взять себя в руки. Фирел подошел и неожиданно прижал меня к себе. Но стало только хуже. Я рыдала уткнувшись в его плечо:

— Я не хотела, чтобы так получилось.

Он какое-то время стоял, не шелохнувшись, вдруг провел рукой по моим волосам:

— Тебе есть что сказать?

Я сглотнула. Может, все к чертям? Рассказать все, с самого начала, сбросить этот груз. И пусть как хочет. Пусть решает сам. Ведь он должен поверить. Он хочет честности. Я тоже ее хочу.

Я отстранилась, вглядываясь в его лицо, ища хоть крупинку поддержки, хоть намек на понимание. Все сказать. Не мучиться. Прыгнуть в пропасть. Я стиснула пальцы, отошла на шаг.

Его взгляд полоснул сталью, нетерпением. Я опустила го-

лову:

— Наверное, я должна извиниться за происшедшее в ресторане. Я не должна была...

Фирел лишь развернулся и просто пошел к лестнице, не сказав больше ни слова. Кажется, он хотел услышать вовсе не это.

14

Дарка перетирала посуду, изображая на лице вселенское страдание. Мать велела. И стояла у плиты, наблюдала. Все верно: если за Даркой не следить — толку не будет.

Когда раздался неожиданный стук в дверь, мы все вздрогнули. Кармелла тут же схватила меня за руку, открыла створку шкафа, втокнула в ворох висящих вещей и заперла. Сквозь решетчатую дверцу мне было видно комнату, и я жадно припала щекой к холодному пластику.

— Кармелла, открой.

Она не спешила. Прислонилась спиной к косяку и говорила через дверь:

— Макс, проваливай. Я сегодня не работаю.

В дверь стукнули так, что она подскочила на хлипких петлях:

— Знаю. Дело есть к тебе. Открывай, не будь дурой.

Кармелла бегло окинула взглядом комнату, пристально посмотрела на шкаф, в котором я пряталась, будто удостоверюсь, что убежище надежно. Наконец, глубоко вздохнула, задрала подбородок и отодвинула задвижку, опираясь рукой

об косяк. На пороге стоял мужчина лет сорока с коротким светлым хвостиком на затылке. Он осклабился и сделал шаг в квартиру, но Кармелла так и стояла, перегораживая вход рукой:

— Чего тебе, Макс?

— Человек тут к тебе.

Кармелла хотела захлопнуть дверь, но Макс выставил ногу в проклепанном сапоге.

— Сказала, не работаю. Завтра. Или оглох?

Макса не смущал такой отпор:

— Дочкой твоей интересуется...

Кармелла нахмурилась:

— Я тебе говорила, урод, чтобы не смел мою дочь продавать. Или яйца надоели? — она покачала головой: — За мной не заржавеет, Макс. Я за дочь торговаться не стану. Здесь это каждый знает.

— Ты сперва выслушай, стерва. Никому ваши щели не нужны.

Я невольно зажала рот ладонью. Как же все это было мерзко. Но, кроме меня, похоже, никого не смущало. Дарка по-прежнему перетирала тарелки и изредка поглядывала на дверь. Но молчала. Кармелла лучше знает, что и как говорить. Это правило.

Она упорно держала оборону у двери:

— Чего надо от моей дочери.

— Поговорить. Спросить кое-что, — уже другим голос.

Кармелла, видно, обмеряла взглядом того, второго:

— Говори здесь.

Макс не вытерпел, схватил ее за руку и отпихнул от двери, заталкивая квартиру. Дарка отложила тарелку и замерла с полотенцем. Напряглась. Едва не поводила носом по воздуху, вынюхивая опасность.

— Пусти человека, паскуда, — Макс толкнул ее в грудь.

Кармелла ничего не ответила. Попятилась на несколько шагов, уперла руки в крутые бока, загораживая собой Дарку. Мужчины вошли. Второй был довольно молодым, в темной искусственной куртке. Не походил на местного — не было на спокойном лице той едкой желчи и вороватости, отличавшей трущобников. Он обернулся на Макса, кивнул:

— Спасибо. Дальше я сам.

Тот какое-то время стоял, прожигая взглядом Кармеллу, но все же вышел. Кармелла кивнула Дарке, чтобы та ушла подальше, к моему шкафу, сцепила руки на груди:

— Что нужно от моей дочери?

— Узнать кое-что, мисс Монтана, — незнакомец пошарил в наручном коммуникаторе, и коммуникатор Кармеллы характерно пискнул. Так пищит, когда совершается финансовая операция. Он кинул ей денег. — Просто спросить. Ничего дурного. Можете быть спокойны.

— Спрашивай. Но учти — я отсюда не выйду.

Он кивнул, нашарил глазами Дарку:

— Вы знакомы с мисс Мелиссой Абьяри?

Я затаила дыхание, еще сильнее прижала ладонь к губам. Только бы не выдать себя. Внутри все тряслось. Я мерзла, будто сидела в рефрижераторе.

Дарка какое-то время стояла истуканом, потом замотала головой:

— Нет.

Незнакомец не выразил недовольства. Казалось, у него вагон терпения. И какого-то пугающего приличия. Это дружеское спокойствие напрягало посильнее нападок Макса.

— Не очень уместно, мисс. Я был в школе. Там сказали, что вы подруги.

Дарка хмыкнула:

— Тогда зачем такие вопросы? Знакома. Учимся в одном классе. Но я много с кем учусь. Много с кем знакома. Это не значит, что мы с кем-то друзья.

— У меня нет намерений причинить вред мисс Абьяри. Я здесь по поручению ее отца.

Сердце подскочило, но тут же ухнулось. Папа в тюрьме. Я — единственная, кого к нему пускают. Он не мог дать никаких поручений. Я не знала этого человека. И отлично помнила, как два дня назад бежала из квартиры. Только бы Дарка не выдала меня. Этому человеку нельзя доверять. Только бы не купилась.

Дарка пожала плечами:

— А я тут при чем?

— Возможно, вы знаете, где я могу найти мисс Абьяри?

Я был в квартире — там никого нет. И судя по тому, что я увидел, не будет.

— Я ничего не знаю. Муравейник большой — ищите. Мое какое дело. Только когда найдете, напомните, что она мне за два обеда должна. Пусть отдает. Деньги на дороге не валяются. А хотите — за нее отдайте. Если такой добрый.

В этом была вся Дарка: мелочи, детали — именно они придают правдоподобия очевидной лжи. Она это знала с пеленок.

— Скажите, мисс, у нее есть друзья? Есть кто-то, к кому она могла бы пойти?

Дарка покачала головой:

— Я никогда не слышала. Ни о родственниках, ни о друзьях. Есть отец — больше ничего не знаю. Да и знать не хочу. Плевала я на ее друзей.

— Отец в Центральной тюрьме.

Она брезгливо скривилась и пожала плечами.

— Тогда чего вы от меня хотите, мистер?

Незнакомец задумчиво кивнул и посмотрел на Кармеллу:

— Я могу надеяться, что вы сообщите, если что-то узнаете, мисс Монтана? — он сунул в руку Кармеллы синюю пластиковую визитку. — За отдельное вознаграждение, разумеется. Я буду очень признателен. Поверьте, мисс Абьяри тоже.

Та взяла, кивнула, напирая, вытесняя его из квартиры роскошной грудью:

— Конечно.

Дверь, наконец, захлопнулась, но Кармелла тут же обернулась, посмотрела в мою сторону и приложила палец к губам, призывая оставаться в укрытии. Она какое-то время смотрела в глазок, прикладывала ухо, слушая звуки в подъезде. Наконец, подошла и открыла створку шкафа:

— Вылезай, девочка.

Я с трудом выбралась из вороха пропахших пылью вещей. Меня трясло, но было какое-то спасительное ощущение нереальности. Будто сейчас встряхнусь, проморгаюсь — и все закончится. Я опустилась на стул.

Кармелла положила мне на плечо теплую ладонь:

— Знаешь его?

Она протянула мне визитку. Имя ни о чем мне не говорило. Я покачала головой.

Кармелла подошла к ящичку, достала бокал и початую бутылку бренди. Плеснула и выпила залпом:

— Я и сама с тобой перетрухала... Вот видишь, девочка, прятаться надо так, чтобы не достали. Иначе и думать не хочу, чем все это может закончиться. Тебе нельзя здесь оставаться.

15

В эту ночь я почти не спала. Не знаю, кто смог бы уснуть на моем месте. Чужой холодный дом, чужая кровать. И тишина такая звенящая, что хотелось кричать. Я ворочалась в холодном поту, не находя покоя. Снова и снова прокручивала в голове злосчастный разговор с Фирелом. Его скупые

вопросы, мои глупые ответы. Все должно было быть не так. Не думала, что я так малодушна. Мелкая, трусливая. Он видел меня насквозь. И наверняка презирал. Я читала это в его глазах.

Что же я наделала... Упустила момент. Он сам подвел к нему. А я струсила.

Сердце колотилось так, что отдавало в шею, шумело в ушах. Меня выкручивало на простынях. Если так будет продолжаться, я просто сойду с ума.

Я села в кровати, утерла ладонями влажное лицо. Я покачала головой: не хочу так. Я все сделаю завтра. Свяжусь с Фирелом, договорюсь о встрече. И расскажу все. С самого начала. Ничего не скрывая. Расскажу все подробности, если он захочет их услышать. Расскажу об аль-Зарахе, о бриллиантах, передам каждое слово. Коробку наверняка уже нашли. Пусть Фирел поступает так, как сочтет нужным. В случае с Зарахом нет и крупицы моей вины. Будь он проклят! Фирел должен это понять.

Если захочет понять... А не захочет... Кажется, мне уже и терять-то нечего.

Это решение принесло спокойствие. Я лежала, глядя в высокий потолок, по которому ползали цветные отсветы фонарей магистрали, и представляла себя качающейся на теплых волнах. Я помню море. Мы жили в Аде-Фиреле на Стеклянном море целый год. И почти каждый день я ходила купаться после уроков. Качалась на плотных соленых волнах, смотре-

ла в небо, наблюдала за парением альбатросов. Как же я была счастлива тогда, даже несмотря на то, что мамы с нами уже не было.

Все же удалось уснуть, но проснулась я рано, едва рассветный луч начал заползать в окно. Чувствовала себя разбитой, измученной. Наверняка и выглядела так же. Плевать. Нужно скорее покончить с этим кошмаром — и будь что будет. Позвонить Фирелу. Немедленно. Я посмотрела на коммуникатор, лежащий на тумбочке, протянула, было, руку, но так и не взяла — хотя бы умыться. Потом одеться, привести себя в порядок. Потом найти кухню и сделать чашку кофе. Потом выпить, жадно глотая горячую черную жижу, которую не люблю...

Я делала все, чтобы оттянуть звонок Фирелу, и до одури боялась, что он окажется дома и просто войдет в кухню. Не оставит времени на раздумье. Я сочла, что позвонить — тактичнее, чем разыскивать его по всей квартире. Даже если он здесь. Да, я мучительно хотела, чтобы он был здесь. Сию минуту. Во мне клокотала решимость, крепкий кофе завел шальное сердце, и оно колотилось, как мотор. Я открыла панель коммуникатора и замерла, не решаясь активировать нужный контакт. Вся решимость испарилась, испустила дух, как помойная крыса.

Я почти зажмурилась, активируя голосовой вызов.

— Я слушаю, Мелисса.

— Доброе утро, Пол. Я... — я едва не заикалась. — Мне

нужно поговорить с вами. Это очень важно.

— Я вас понял. Приду поздно вечером, и мы поговорим. Если вы настаиваете.

— Я настаиваю, Пол.

Он сбросил вызов, не считаясь с правилами этикета.

Ну, вот и все. Я сидела за кухонным столом, у самого окна, и чувствовала себя так, будто проглотила таблетку с ядом. Дело сделано — осталось дожидаться реакции... Все вдруг стало иначе. И сама ситуация, и мои страхи. Отчаянно захотелось закатить пир напоследок. За счет Фирела, разумеется. Я нашла на чайном столике электронное меню и начала пролистывать, истекая слюной. О да, и «сносный стейк» я тоже закажу, и съем его из детской глупой мести... Во мне еще много этого «детского». Нет-нет, да и проснется бесенок, который не даст заскучать.

Пространство наполнил троекратный переливчатый звук. Я вздрогнула, напряглась.

— Мисс Абьяри, доброе утро. Это агент Мартинес. Прошу вас спуститься в холл. Прибыли ваши вещи.

Меня затрясло, хотя пока не случилось ничего. Я оставила чашку, поправила платье и пошла по бесконечному коридору с рядом спален. Осторожно спустилась по стеклянной лестнице, изо всех сил стараясь не упасть.

Мартинес уже стоял в холле, а у стены громоздились одинаковые плексокартонные короба и коробки. Мартинес... тот, что сидел тогда рядом в эркаре. Я отчего-то даже удиви-

лась, что у него вообще есть имя. Или фамилия.

Я подошла и протянула руку для приветствия:

— Здравствуйте, Мартинес.

Он легко пожал мои ледяные пальцы:

— Ваши вещи, мисс. Все, что было в квартире, за исключением приписанного к ней имущества департамента. Они предоставили опись.

Я усмехнулась:

— Все перебрали?

Кажется, Мартинес даже смутился, но, вероятно, мне просто показалось:

— То, что оказалось необходимым, чтобы найти вещи по описи. Остальное просто собрали в коробки.

Я кивнула:

— Большое спасибо, агент. — Посмотрела в непроницаемое лицо: — Вы что-то можете сказать об этой ситуации?

Он лишь едва заметно прикрыл глаза:

— Банальное ограбление, мисс. Ограбили квартиру этажом выше, а вашу, видимо, не успели — что-то спугнуло.

Сердце колотилось так, что, казалось, Мартинес услышит его стук:

— Вы уверены? Простое ограбление?

— Без сомнения мисс. Вам ничего не угрожает, но советник Фирел против того, чтобы вы возвращались в эту квартиру. Это его решение.

Я приветливо улыбнулась, хотя внутри все просто задере-

венело:

— Благодарю вас, агент.

— Это моя работа, мисс. У нас не было описи вашего личного имущества. Если вы обнаружите какую-то пропажу, достаточно сообщить советнику Фирелу, — он развернулся, собираясь уходить.

Я снова улыбнулась:

— Благодарю, Мартинес. Доброго дня.

Едва за агентом закрылась дверь, я прислонилась к стене и бессильно осела. Если я поспешила со звонком Фирелу...

Как в горячке, я кинулась на пол и принялась потрошить содержимое коробок, в надежде отыскать только одно.

16

Больше всего места занимала одежда. При выпуске из Центра нас «одаривали» вполне приличным «приданным», чтобы не позорить своего партнера, пока он не станет делать подарки. Если станет... Если нет — обновки пополнялись с зарплаты. Шубы, платья, туфли, средненькие драгоценности — все это было. И кто-то весьма аккуратный разложил мое шмотье по коробкам. В самых больших — одежда. Я прощупывала все до самого дна. Потом будто опомнилась. Если Фирелу или его охране придет в голову просмотреть камеры слежения, это будет выглядеть очень странно. Что-что, а холл, наверняка, под наблюдением.

Я перетасила коробки в спальню, которую заняла в самом конце коридора. Пока спускалась и поднималась по лестни-

це, прокляла все на свете. Наконец, уселась на пол, на ковер, и взялась за самые маленькие коробки. Ерунда... Белье, перчатки, расчески. У меня были драгоценности. Несколько золотых колец с камнями, пара колье, броши. Бросовая штамповка, но, все же, ценность. Футляров нигде не было. Я вновь и вновь перебирала коробки и, наконец, увидела дутые бархатные крышки. Но тахильского футляра среди них не было.

Я едва не ревела. Наивно было думать, что можно что-то скрыть. От департамента, от Фирела. Какая несусветная глупость! Нет, я не выросла. Все еще верила в сказки, в везение. Слова Мартинеса о том, что это банальное ограбление, все же успокоили. Я выдохнула. И решила, что и дальше повезет.

Я смотрела на разбросанные вещи. Из самой большой коробки торчал краешек чернобурковой шубы. Конечно, не соболь, но для девчонки из Муравейника и это несказанная роскошь. Такие вещи заберут, когда снимут с должности. Драгоценности и мех. А я ее даже еще не успела надеть. Даже ярлычок не оторвала. Я потянула шубу в глупом желании накинуть на плечи. Поносить хоть немного, хотя бы здесь. Мягкий мех выскользнул из коробки, и я услышала глухой удар, что-то упало.

Из почтовой плексокартонной коробки, скрытой в мехах, выскользнул знакомый футляр.

Я не верила глазам. Просто сгребли, не интересуясь, что внутри? Я отбросила шубу, открыла красную крышку. Камни были на месте. Я потянулась к коробке — записка тоже.

Неужели так бывает? Меня почти трясло. Руки заледенели, ладони стали влажными. Я была просто уверена — под безупречным маникюром сиреневые ногти. Я торопливо сунула футляр в коробку и сжала проклятую записку в дрожащем кулаке. От нее надо избавиться. Я разорвала записку на мелкие клочки, долго комкала в руках. Выкинула в унитаз и с затаенной радостью смотрела, как вода уносит мой обрывки бумаги.

Но записка — лишь полдела. Вчера я уже сделала ошибку, не вернув камни. Сегодня я должна это исправить. Немедленно. Я порылась в коробке с сумками, выбирая ту, в которую влезет футляр. Переоделась, накинула распахнутую норковую курточку. Волосы не идеальны, но сейчас было плевать. Я завязала элегантный узел, подхватила сумку и побежала к выходу. Главное — запеленговать адрес, чтобы вернуться раньше Фирела.

Фирел. Меня будто прошибло током. Я сама назначила Фирелу разговор. Но если дело складывается в мою пользу — я не самоубийца. Я покачала головой: я не стану откровенничать без особой необходимости. Фирел — потом. У меня впереди целый день, чтобы хоть что-то придумать. Сейчас нужно избавиться от проклятых бриллиантов.

Я вышла из квартиры, сняла на коммуникатор номер и расположение, чтобы найти без сложностей. Спустилась на первый этаж и пошла к выходу мимо огромного «аквариума», в котором миссис Гросвел просто затерялась бы, уто-

нула. За стеклом сидели трое. В сером. До странности похожие на агента Мартинеса.

— Мисс Абьяри.

Я вздрогнула от неожиданности. Инстинктивно прижала сумку рукой. Они знают мое имя... какая честь. Я остановилась, задрала подбородок.

— Подойдите к окошку, мисс. Будьте любезны, — голос гремел через усилитель.

Трое «серых», три окошка. Я так и не поняла, кто из них говорил. Подошла к тому, которое было ближе.

— Доброе утро, мисс Абьяри.

— Доброе утро.

— Позвольте узнать, куда вы направляетесь.

Я опешила. Им не все ли равно куда? Истерить мне не полагалось по должности. Я приветливо улыбнулась:

— Конечно. Я хочу прогуляться и немного пройтись по магазинам.

— Где именно? Желательно точные координаты, мисс.

Я все еще улыбалась, чувствуя, как в горле стремительно пересыхает.

— Простите, мистер, я совсем не знаю этот район. Вблизи Центрального банка, полагаю. Там есть хорошие торговые галереи?

«Серый» кивнул:

— Есть, мисс. Когда вы намерены вернуться?

Я пожала плечами:

— Полагаю, через несколько часов.

Он едва заметно кивнул:

— Приятной прогулки, мисс. И не отключайте ваш коммуникатор, чтобы мы могли отследить ваше местоположение.

На меня будто вылили кастрюлю кипятка. Коммуникатор. Если бы не этот серый сноб, я бы о нем даже не задумалась. Хотела пройти несколько кварталов пешком, а потом вызвать эркар.

— Конечно, — я кивнула. — Доброго дня.

Я пересекла наземную парковку, не оглядываясь, неспешно. Не было никакого желания смотреть по сторонам. Главное — отойти подальше, отключить коммуникатор и ловить такси просто на улице или на стоянке. У торговых галерей они должны быть. Я посмотрела карту: «серый» не соврал, напротив банка громоздились огромные торговые павильоны. Я прибавила шаг, сверяясь с картой, дошла до торговых галерей. Выключила коммуникатор, наняла эркар и назвала свой прежний адрес.

17

Я слонялась в парке, недалеко от отеля «Факхир», и никак не могла решиться. Все мысли были только об одном: как отдать футляр? Идти самой — рискованно и глупо, но другого выбора просто не было. Единственный человек, которому я могла доверять — Кейт, но так подставить Кейт... Я даже не представляла, как все это можно ей рассказать. Нико-

гда не прощу себе, если из-за меня у нее возникнут проблемы. А они будут, я больше чем уверена... Доверить курьеру? Слишком опасно. Если курьер исчезнет, я никогда не докажу, что не принимала драгоценностей. К тому же, мне придется оставить свои данные в службе доставки, а это еще рискованнее, чем оставлять их в отеле. И адресат... Нет, курьерская доставка невозможна. Выход один — отнести самой и зарегистрировать посылку на стойке на чужое имя. Слишком большая ценность. Только так я останусь спокойной. Сотрудники отеля не посмеют обмануть своего хозяина.

Я глубоко вздохнула, втягивая чистый утренний воздух, и решительно пошла в сторону пешеходного моста над наземной магистралью. Каблуки отбивали быстрый ритм по глянцевой плитке, слабо мерцающей в утреннем солнце белыми вкраплениями, похожими на кристаллы соли. Папа бы сейчас точно сказал, что это за минерал, и я бы выслушала длинную лекцию об его уникальности. Он считал, что каждый минерал уникален. Жаль, тогда я не ценила этого. Дети многого не понимают.

Наконец, я нервно сжала ремешок сумочки, глубоко вздохнула несколько раз и вошла в витражные двери. Казалось, биение моего сердца слышит весь отель. Не размышлять. Просто подойти к стойке и передать пакет — я предусмотрительно засунула футляр в хрустящий пакет из магазина, чтобы он не привлекал излишнего внимания. Я почему-то боялась увидеть Джафара с его презрительным госте-

приимством. Казалось, стоит ему появиться, он все испортит.

Я решительно подошла к стойке, молодой тахилец, почти мальчишка, ослепительно улыбнулся и приветственно кивнул:

— Добро пожаловать, мисс. Желаете номер?

Я покачала головой и глубоко вздохнула, решаясь:

— Нет. — Я вытащила пакет и положила на стойку: — Я хочу, чтобы вы вручили этот пакет господину аль-Зараху.

Я готова была провалиться, осознавая, как бредово все это выглядит. Просто передать что-то аль-Зараху — совсем не то же самое, что передать через консьержку обычного многоквартирного дома, где живут самые обычные люди. Моя идея — совершеннейший бред. Но в этой ситуации нет верного решения. Любое решение неправильное.

Тахилец все так же улыбался, завоzilся в компьютере. По его идиотскому лицу невозможно было что-то понять. Наверняка, у них нарочно такие лица. Заученная маска, чтобы никто не смог понять, что творится под ней. Как и у Фирела.

— Ваше имя, мисс.

Дыхание замерло. Я знала, что меня попросят назваться, и не обдумала этот вариант. Я вообще ничего не обдумала! Ничего!

— Мисс Стоун.

— Полное имя, пожалуйста, мисс.

Я сглотнула:

— Эмилия Каролин Стоун.

Не думаю, что у простого портье есть доступ к данным, чтобы подтвердить мою личность. Мне нужно, чтобы он принял этот проклятый пакет, а что с ним будет делать служба безопасности — меня вообще не волновало.

Портье кивнул, и снова уткнулся в компьютер, не «снимаемая» заученной улыбки. Белые крупные зубы...

— Придется немного подождать, мисс.

Я кивнула в ответ и тоже выдавила благодущную улыбку, хотя была, что называется, «на низком старте». Готова была бежать сломя голову. Как можно быстрее и как можно дальше.

Тахилец ковырялся бесконечно долго. Время от времени бросал на меня жгучий взгляд из-под белоснежного тюрбана и просил подождать еще немного. И еще немного... И я ждала, хотя внутри все ходило ходуном. Хотелось просто броситься к двери и бежать прочь. Но, глядя на портье, я прекрасно понимала, что если я дернусь, не покончив с формальностями, меня тут же остановит охрана. И неизвестно, чем все это может закончиться. Какая же дрянная идея... На что я надеялась? Нужно было арендовать банковскую ячейку, оставить бриллианты, а расположение и шифр передать аль-Зараху запиской. Вот что значит необдуманные решения, продиктованные эмоциями. Страхом, растерянностью. Эмоции — причина многих ошибок, так нас учили. Я стояла, едва не приоткрыв рот. Просто не понимала, как могла

так отчаянно сглотить. Я ведь никогда не была уж слишком глупой. Решение с банковской ячейкой идеальное, но теперь я уже просто не могла забрать пакет — возникнут ненужные вопросы. Впрочем... даже ячейка не вариант. Мне придется предоставить документы для регистрации, и данные сразу же окажутся в департаменте. Это тупик.

Тахилец вновь посмотрел на меня:

— Позвольте узнать, что в пакете, мисс Стоун?

Я готова была провалиться, понимая, как глупо все это звучит:

— Ювелирное изделие.

Врать было бессмысленно. Я прекрасно понимала, что сейчас пакет передадут в службу безопасности, и я смогу выйти отсюда только тогда, когда они сочтут это возможным.

Идиотка. Что же я наделала...

Портье, наконец, протянул руку и забрал пакет, спрятав под стойкой:

— Еще буквально пару минут, мисс Стоун.

Неужели мне позволят уйти? Я ждала в таком нетерпении, что меня ощутимо трясло. И я едва не рухнула на пол, когда услышала за спиной уже знакомый мягкий выговор:

— Прекрасная Аmani...

18

Я стояла, окаменев, не в силах обернуться. Тяжело дышала, вцепилась в ремешок сумки. Только не это. Хотя... Невозможно играть в бесконечные догонялки — у меня про-

сто не хватит сил, если он не захочет остановиться. Лучше объясниться. Это лучшее — объясниться. Спокойно и внятно донести свою позицию. Дать понять, что не нужно меня преследовать.

Я собрала волю в кулак и повернулась. Склонила голову в знак приветствия, но руки не подала, не хотела, чтобы он касался меня.

— Господин аль-Зарах.

Он снова был в черном костюме. Национальный колорит подчеркивали лишь неизменно черные глаза и бриллианты в ушах.

— Для вас Аскар, прекрасная Амани.

Он уже знакомым жестом коснулся лба, губ, груди и прожигал меня взглядом. Какие же черные, бездонные у них глаза. Еще немного, и я услышу, как шипит обожженная кожа, почувствую волдыри, будто меня вертят над раскаленной жаровней, как грешника в старых наивных представлениях ада. Меня раздражала собачья кличка, которой он меня наградил, но я решила не заострять. Это лишний повод.

Он вскинул руку, давая понять, что приглашает меня пройти за ним, но я покачала головой:

— Это лишнее, господин аль-Зарах. Я лишь хотела сказать, что возвращаю ваш подарок, потому что не могу его принять при всем желании. У меня есть свои обязательства.

— Вам не понравилось? — он помрачнел, нега в глазах сменилась каменной твердостью.

— У вас безупречный вкус. Но это недопустимо, — я покачала головой.

— Я настаиваю, — он указал в сторону пустующей зоны отдыха под сенью огромных живых пальм. Его лицо красноречиво говорило о том, что он не потерпит возражений.

Я нехотя последовала за ним, опустилась в кресло. Тут же подбежал тахилец в традиционном бурнусе, с подносом. Кофе. Если еще выпью кофе — сердце просто не выдержит, оно и так колотилось, как безумное. Но отказаться еще и от кофе...

Я приняла чашку и едва коснулась губами горькой черной жижи. Хотелось просто холодной воды с кислинкой лимона. Аль-Зарах неприкрыто наблюдал за тем, как я пью. О нет, в этом взгляде не было никакой двусмысленности, он и не пытался что-либо изобразить. Он хотел меня. Неприкрыто, жгуче, будто имел на это полное право. Мне будто передавалось его напряжение, скребло внутри, вызывая противоречивые чувства. Его прямота льстила. Как любой женщине, которой дают понять, что она желанна. Но... Если бы так смотрел Фирел... О, да, безумная мысль. Я невольно усмехнулась, не подумав, как аль-Зарах может расценить эту мелочь.

Он помрачнел:

— Как вы посмели вернуть мой подарок?

Я едва не захлебнулась. Посмела? Сейчас страх и неловкость сменялись возмущением. Неужели он принимает меня

за одну из своих безвольных закутанных женщин? Это та ситуация, когда такт и нежелание обострить конфликт принимается за слабость. Обычно такое восприятие — удел дураков. Это метод Муравейника. Но в аль-Зарахе говорил лишь конфликт менталитетов. Я женщина, и я красива — в этом моя беда. Все женщины для него одинаковы: что единовверки, что иностранки. Всего лишь бесправные женщины.

Я отставила чашку, чтобы ненароком не облиться:

— Потому что это мое решение. Ваш подарок ставит меня в неловкое положение. Я уже говорила. Это недопустимо.

Женщина в его стране, скорее имущество, чем человек. Красивая безотказная кукла, которая греет постель господина по кивку головы и с готовностью и благодарностью получает побои, если господин не доволен. Женщины не имеют голоса, не имеют права на образование, не могут никому наследовать. Они не могут даже развестись — это привилегия мужчин. Но тогда эти бедные женщины никогда не увидят своих детей. По меркам цивилизованного общества это дикость и бесконечный кошмар. Все же находятся иностранки, которые добровольно отрекаются от свободы ради страстных черноглазых красавцев. Даже принимают их веру. Думаю, потом их участь незавидна. В Центре никогда не говорили о тех, кто вернулся. Никогда. Очень надеюсь, что Кейт до такого не докатится. Не забуду, как она таяла под взглядом Джафара.

Аль-Зарах не сводил с меня глаз:

— Мои подарки не могут ставить в неловкое положение. Тем более женщин. И ваше решение ничего не значит. Здесь важно мое решение.

Это переходило всякие границы — он не у себя дома. Да, я должна быть тактичной и дипломатичной, но этот человек не понимал слов, не понимал вежливости.

— Ваше превосходительство, смею напомнить, что я гражданка Альянса, состоящая на государственной службе. У нас иные порядки.

— Ваши порядки — ваш большой недостаток. В такой стране никогда не будет процветания. Женщины не должны иметь столько свобод. Ты всего лишь женщина. Женщина, которую я хочу, — он подался вперед. — Ты должна быть счастлива. Это честь для тебя.

Я просто задохнулась от возмущения. Вытаращила глаза, приоткрыла рот, не зная что сказать. Это было недопустимо, возмутительно. Я должна была немедленно уходить, но не могла подняться, чувствовала, что ноги не удержат. Его слова — заостенелый архаичный бред, но в них было столько силы, столько уверенности. Он будто гипнотизировал меня этим напором. Я будто уменьшалась на глазах, становилась ничтожнее, безвольнее.

Аль-Зарах лишь усмехнулся:

— Видишь, прекрасная Амани, тебе нечего возразить. Значит, я прав. Ты сама понимаешь, что я прав.

Я покачала головой:

— Вы не правы, Аскар-хан. Это возмутительно.

— Я получаю все, что хочу, моя красавица. В своей стра-
не, и в любой другой. Ты мнишь себя свободной, но я покажу
тебе, что это не так. Свобода — это условность, которой тебя
обманывают, и красивое название. Ваша свобода — миф.

— У вас неверные представления о свободе.

Зарах лишь сверкнул зубами:

— Ты наденешь эти бриллианты. В знак того, что поко-
рилась.

Я твердо покачала головой:

— Это невозможно. Очень надеюсь, что вы меня услыша-
ли, господин аль-Зарах.

Я поднялась и, не чувствуя ног, вышла из отеля, каждое
мгновение опасаясь, что меня вернут.

19

Не помню, как я вышла на улицу. Помню лишь отчаянный
стук сердца и слабость, близкую к обмороку. Я оказалась не
готова к такому напору, к такой прямоте. Считать ли слова
аль-Зараха угрозой? Я покачала головой: я гражданка Аль-
янса — он бессилен. Пусть возвращается домой и командует
своими замотанными женщинами. Наверняка, у него целый
гарем. Десятки? Сотни?

Я просто остановилась посреди парка, чтобы подышать.
Глубоко, шумно, полной грудью. Сейчас он захотел меня,
но завтра забудет, увидев другую красавицу. Возможно, бо-
лее сговорчивую. Даже если бы аль-Зарах предложил еди-

ным махом решить все мои проблемы, оградить от всего — я бы никогда не согласилась. Никогда. Ни за какие обещания и богатства. Нет богатств, способных оправдать такое отношение к женщине. Консервативные мудрецы Тахила и по сей день считают, что у женщин нет души. За столетия мало что изменилось. В цивилизованном обществе подобное невозможно.

Но как он смотрел... Это околдует любую. Эта магия в их горячей крови, в их нагретых солнцем песках. В их жестах, в их словах. Но все обман: красивые обещания скрывали ужасную реальность, в которой женщина была всего лишь вещью. Говорят, в Тахиле все еще процветает работорговля. Негласно. Но людей по-прежнему покупают и продают, как сотни лет назад. Как скот.

Я купила стаканчик мятного лимонада из летучего автомата и выпила залпом, заглатывая крошку колотого льда. Будто нырнула в холодную воду. Так стало лучше. Больше не хочу думать об аль-Зарахе. Пусть катится к черту вместе со своей моралью. Одна проблема решена, но отвратительно было осознавать, что она не единственная. Зарах и его проклятый подарок смешали все мысли, но вопросы оставались. Много неприятных вопросов.

Утром я безоговорочно поверила словам Мартинеса, испытала такое облегчение, что о многом забыла. Но забыть — еще не значит решить. Он утверждал, что грабителей спугнули... Пусть так. Станным казалось другое: у них было вре-

мя и желание вспороть постель, что само по себе бред, но не хватило мозгов выгрести драгоценности в хлипком незапертом ящичке туалетного столика. На это ушло бы меньше минуты... Драгоценности департамента подлежат описи, и не обнаружилось ни единой пропажи. Мартинес сказал, что ограбили квартиру этажом выше... Что же забрали там, если их не интересовали драгоценности?

Я уже выходила из ограды парка, и дом, в котором находилась служебная квартира, хорошо просматривался через оживленный перекресток. Едва ли предоставится шанс лучше. В квартиру я, конечно, не пойду, она, наверняка, опечатана, а вот глазастая миссис Гросвел... Главное, чтобы она еще не ушла — ее сменщица была вовсе не такой приветливой и разговорчивой. Да и ничего не могла знать.

Решение появилось быстро. Я дошла до ближайшего торгового центра, купила коробку термолистого чая и решительно вошла в подъезд.

— Мисс Абьяри!

Миссис Гросвел «выплыла» из своего аквариума и мелкими шажками засеменила ко мне на толстых устойчивых каблучках. Несмотря на года, она все еще была кокеткой. Радужно улыбалась идеальными искусственными зубами:

— Здравствуйте, милая. Как же мне жаль, что так вышло. Ах, как жаль.

— Добрый день, миссис Гросвел, — я улыбнулась как можно приветливее. — Я была неподалеку и решила зайти

поздороваться. Надеюсь, вчерашнее происшествие никак не отразилось на вашем здоровье. Это волновало меня.

Консьержка доверительно тронула мою руку сухими, как пергамент, белыми пальцами с красным маникюром:

— Все в порядке, милая. Всякое бывает. Что такое жизнь без потрясений...

Я достала коробку с чаем, заметив, как жадно миссис Гросвел наблюдала за моими движениями:

— Небольшой презент от меня. Термолистый чай. Очень хорош для лица. Думаю, вы помните, — я вновь многозначительно улыбнулась.

Консьержка вцепилась в коробку:

— Конечно, помню, моя дорогая. Не стоило вам так хлопотать... Как жаль, мне сказали, что вы съезжаете.

— Да, так решили, — я кивнула. — Мне тоже жаль.

— Конечно, конечно. Такая неприятность. Кто бы мог подумать. Я работаю консьержкой без малого тридцать лет. Никогда такого безобразия не было. Никогда. Но, говорят, ничего не украли.

— Этажом выше тоже ничего не украли?

Миссис Гросвел нахмурилась:

— Этажом выше?

Я кивнула:

— Говорят, ограбили квартиру этажом выше.

Консьержка замотала головой:

— Вы что-то путаете, мисс. Этажом выше все в порядке.

Безобразие только в вашей. — Она заговорщицки понизила голос и вновь доверительно коснулась моей руки: — Сколько шуму было ночью, я глаз не сомкнула. Два раза показания фиксировали. Даже ваш мистер Фирел приезжал.

Я похолодела:

— Мистер Фирел? Вы уверены?

Миссис Гросвел кивнула:

— Как же вам повезло, моя милая! Мистер Фирел — такой мужчина! Еще лучше, чем по телевизору! Мой мистер Гросвел много-много лет назад был даже чем-то похож на него. Высокий, статный. — Консьержка приосанилась: — Да и я тогда была ничего. Красавица! А уж любил меня... Но и ревновал страшно. Не приведи вам, дорогая моя, такого ревнивца. Это чистый зверь. Себя изводил, меня изводил, потом, как водится, каялся. А я прощала — как не простить?

Я рассеянно кивала, не слушая эту болтовню. Мартинес солгал? Или консьержку просто не ставили в известность? Из-за служебной квартиры, конечно, подняли все службы, и она поняла по-своему... Но что здесь делал Фирел?

— ... А вы, дорогая моя, послушайте совет старой женщины. Уж у меня глаз наметан. Какой такт, какая сдержанность. Не упускайте его. Такой мужчина один на миллион. Это все равно, что в лотерею выиграть, милая моя.

Я наспех распрощалась с миссис Гросвел, стараясь поскорее уйти. Не хочу, чтобы меня здесь увидели. Кто-то лгал. Но зачем? Мартинес просто хотел меня успокоить, поэтому

сказал про вторую квартиру? Или так приказал Фирел?

Едва успокоившись, я вновь терялась в догадках. Что бы не говорила миссис Гросвел, она права в одном: я должна зацепиться за Фирела. Он — моя защита. Единственная возможная защита. Я не могу больше терять время — я должна соблазнить его.

20

Я вернулась к торговому центру в районе Центрального банка и включила коммуникатор. К счастью, никаких извещений или входящих звонков. Но не думаю, что мое исчезновение осталось незамеченным, если охрана на выходе так расспрашивала о маршруте. Ладно, на все упреки ответ один: не знаю. Я так увлеклась покупками, что не заметила сбой. Дарка любила повторять: «Если тебя поймали за руку, оторви руку и скажи, что не твоя». Раньше мне это казалось несусветной глупостью — теперь я так не думала. Не знаю, не слышала, не видела — самый лучший ответ в сложной ситуации. Он лучше оправданий или неумелого вранья. В конце концов, не станут же меня пытаться.

От последних событий голова шла кругом. И только теперь я вспомнила, что кроме кофе и лимонада в моем желудке с самого утра не было ни крошки. Что ж... разгрузочный день — не самая великая из бед. Настоящим кошмаром было то, что я вызвала Фирела на разговор. Поторопилась. Кто же знал... Теперь мне попросту нечего ему сказать, потому что я не намеревалась ни в чем признаваться. Выход один:

обставить все так, что я выдумала предлог для того, чтобы остаться с ним наедине. Больше вариантов не было. В другое он попросту не поверит.

Дерзко. Может быть, глупо. Но это лишь моя работа, и что плохого в том, что я хочу выполнить ее хорошо? Он сам выбрал меня — я не вешалась на шею. Сам. Он прекрасно понимал, что я должна делать, и в какой роли выступать. И я прекрасно понимала. Так чего он хочет? Зачем осложнять? Хочет, чтобы я предлагала себя, как дешевая шлюха? Это его заводит? Если это его предпочтения — я сделаю все, плевать. Но как тогда понимать произошедшее в ресторане? Я была недостаточно настойчивой? Недостаточно развязной? Или он просто издевался, и это доставляло удовольствие?

В этом все дело — мы ничего не обсуждали. Но должны были обсуждать. При самой первой встрече. Обсуждать — это нормально, тем более, если это касается моих обязанностей. Это исключит конфликты, избавит от неловкости. Как постоянно твердила миссис Клаверти: «Диалог — ключ от мира». Это необходимо нам обоим. Я должна была заподозрить неладное, едва ознакомилась с его досье. В графе «Предпочтения» было лишь единственное слово — стандартные. Теперь же чем больше я об этом думала, тем отчетливее представлялось, что все совсем не так. Фирел — слишком значимая фигура, чтобы трясти перед социальным департаментом своим нижним бельем. Тем более, если имеются занимательные подробности.

Я усмехнулась и снова вспомнила Дарку. Она говорила, что чем сдержаннее человек снаружи — тем безумнее он внутри. Кажется, она снова была права. Муравейник, а тем более улица Красных фонарей, учат быстро постигать философию жизни, видеть самую суть. И Дарке есть, у кого учиться. Кармелла — удивительная женщина, несмотря на свое занятие. А Фирел сдержан и холоден настолько, что, согласно этой теории, меня могут ожидать не слишком приятные сюрпризы. За закрытыми дверями могут проявиться все подавленные порывы. Им всегда нужен выход.

Я сглотнула пересохшим горлом, понимая, что есть все основания для подобных догадок. Пусть так — это просто данность. И это моя работа. Нас готовили и к этому, поясняя, что «стандартное» — не единственная допустимая модель. Побои и прочие «прелести», конечно, должны прописываться отдельным пунктом, но очень удивлюсь, если в действительности их когда-либо прописывали. Лицемерие департамента. Мы работаем со слишком высокопоставленными людьми. Мы — лишь средство. И гораздо проще свести синяки и заплатить лишнего — за хлопоты — чем тревожить уважаемого человека.

Я запретила себе думать об этом. Стану думать, если появятся причины. Даже потрянула головой, стараясь отогнать навязчивые мысли. Я полистала навигатор, отыскивая нужный магазин белья — четвертый этаж. Нарочно пошла пешком, чтобы себя хоть чем-то занять. Наконец, вошла в сек-

цию, и ко мне тут же поспешила приветливая девушка-продавец в розовой, как крем, блузе. Улыбалась, будто была несказанно рада. Конечно, рада. Они нас вычисляют каким-то особым чутьем. Клянусь, едва я шагнула в магазин, она уже знала, кто я. И им прекрасно известно, что мы оставляем очень много денег. Мы — их лучшие покупатели.

— Добрый день, мисс. Что желаете? Буквально вчера пришла новая коллекция...

Я ее не слушала, лишь любезно кивала в ответ. Почти наизусть знала все, что она может сказать. Их речи шаблонны, просчитаны. Серена! Они настоящие сирены из старых мифов — завлекают пением и вытрясают деньги, слушая писк коммуникаторов. Девушка изо всех сил нахваливала модные новинки, провожая меня вдоль редко размещенных стоек. Здесь как в ресторане: чем реже — тем дороже. И легкая фоновая музыка.

Я медленно шла вдоль вереницы кружева, перьев, страз, атласных шнуровок, невесомого газа, касаясь кончиками пальцев нежнейших тканей. Что ему нравится? Какие цвета? Какие фактуры? Кружево, хлопок, шелк? А может он вовсе не желает видеть белья? Или напротив — тайна с головы до ног, чтобы было приятнее «распаковывать подарок»? Я не знала ничего. Остановилась возле красного кружева. Если придерживаться теории Дарки, под невозмутимой личиной скрывался вулкан. Что может быть провокационнее красного... Я задумчиво вертела в руках легкий вышитый корсет,

кокотливо украшенный рюшами. В чем-то старомодный, архаичный, но в то же время дерзкий и пикантный.

Девушка расплылась в блаженной улыбке:

— Безупречный вкус, мисс. Есть полный комплект: трусики, пояс, чулки... и халатик, — при слове «халатик» ее окончательно разморило. От зависти.

Я вновь взглянула на корсет:

— Вам нравится?

— Я бы сама такой купила, мисс, но...

Она не договорила. И без того понятно — для нее это слишком дорого. Одни трусы стоят больше, чем ее месячное жалование.

— Несите все.

Я не хотела рассматривать, придираюсь. Вещи отменные — лучше просто некуда. Продавщица направила на меня примерочный сканер и ушла выбирать нужные размеры. Вскоре выложила на столике все, что полагалось, включая дивный короткий халатик из натурального шелка.

Коммуникатор неожиданно завибрировал, отдавая в руку. Я вздрогнула, приняла входящий вызов. Мартинес...

— Мисс Абьяри, почему вы исчезли из зоны покрытия?

— Что? — я усиленно делала вид, будто не понимала ни слова.

Мартинес не стал играть в эту игру:

— Мисс Абьяри, я жду вас на парковке торговых галерей. Поторопитесь с покупками и спускайтесь.

Я сглотнула и едва шевелила губами, чувствуя, что внутри все оборвалось, задрожало:

— Я уже спускаюсь, агент.

Кажется, меня ждет мало приятного.

21

Мартинес встретил меня хмурым лицом, если про его лицо вообще так можно сказать. Оно не отличалось от того, что я видела вчера или сегодня утром, как не отличается застывшая маска. Я просто почему-то знала, что сейчас оно хмурое. И понимала, что он едва сдерживается.

Я передала ему пакеты:

— Что случилось, Мартинес?

— Где вы были, мисс? — он открыл дверцу служебного эркара и буквально затолкал меня внутрь. Опустился рядом.

Я поджала губы, решая стоять до последнего:

— В галереях, как видите.

— Вы лжете, мисс. Час назад вас не было в галереях.

Я молчала. Не хватало еще, чтобы они обшаривали торговый центр. Если на то пошло, я все же вольна в передвижениях.

— Значит, я гуляла по улице, Мартинес. Я же не цепная собака.

— Вы отключили коммуникатор, мисс.

Я подняла брови:

— Какая глупость.

— Вы отключили коммуникатор, мисс.

Я повернулась и открыто посмотрела в его застывшее лицо:

— Я ничего не отключала. Сбой сети, перебои питания. Да что угодно! Есть другие причины, агент.

— Вам придется рассказывать это советнику Фирелу, мисс.

— Прекрасно! — я скрестила руки на груди и отвернулась к окну. — Значит, расскажу.

На самом деле, у меня дрожали губы. Я едва не рыдала. Да я чуть не упала без чувств, при одной только мысли, что Фирел начнет разматывать этот чертов клубок. Он должен мне поверить. Он должен забыть. Он должен думать о чем-то другом. Более приятном. Коммуникатор... в сущности, мелочь. Дети часто отключают коммуникаторы, чтобы их невозможно было найти. Это не преступление — это гражданское право. Или Фирел намерен лишить меня гражданских прав?

Я забрала пакеты с бельем и демонстративно прижала к себе. Ухватилась, как за спасительный буюк. Всю дорогу до дома Мартинес не проронил ни слова. Лишь помог мне выйти из эркара и маячил чуть позади, как настоящий конвоир. Я задрала подбородок, прошла мимо «аквариума». Наконец, Мартинес жестом пригласил меня в квартиру:

— Отныне вам запрещается выходить, мисс. До особых распоряжений советника Фирела. Охрана уже предупреждена.

— Прекрасно!

Я услышала писк закрывшейся двери и от досады топнула ногой. Я будто попала в водоворот, и меня бесконечно крутило без возможности как следует вдохнуть. Дрянь за дрянью. Хотелось открыть дверь, наговорить в спину Мартинесу разной обидной ерунды, но я отчаянно понимала, что он не виноват — это его работа. Я виновата сама. Точнее, обстоятельства. Я будто барахталась в паутине, и с каждым рывком запутывалась все сильнее. Липла, вязла. Сейчас снова съедали сомнения.

В последние несколько дней я делала ошибку за ошибкой. Все не так. Если бы я не пошла с Кейт в отель «Факхир»... не было бы проклятой встречи с аль-Зарахом. Все было бы значительно проще. Аскар-хан развращен своим богатством и положением, но может ли он что-то в действительности, как угрожал? Госслужба гарантирует мне определенную неприкосновенность. И самое главное — Фирел. Моя лучшая защита. Он должен нуждаться во мне.

Я решительно пошла к лестнице, яростно зажимая ледяными пальцами ручки пакетов. Процокала по стеклянным ступеням, вошла в «свою» спальню и швырнула покупки на кровать. Сама рухнула следом, не снимая меховую курточку, и просто смотрела в высокий потолок. Только сейчас я вдруг подумала, что это последний шанс. Единственный, как выстрел снайпера. И если промах — все полетит к чертям. Что тогда со мной будет? Вчера — матрас, а завтра это буду я.

Сейчас я жалела, что пошла к консьержке. Трусливо, да. Но в этом случае я бы считала аль-Зараха своей единственной проблемой... Зачем Мартинес солгал? Что можно было искать в моей квартире, если ценности остались нетронутыми? А если все же случайность? Простое хулиганство? Бывают ли такие глупые случайности? Но ведь я не знала наверняка, стоит ли мне еще чего-то опасаться. Прошло шесть лет. Кому нужна глупая перепуганная девчонка? Главное, зачем?

Я посмотрела на часы: 16:25. Даже не заметила, что прошло столько времени. Неудивительно, что меня пытались найти. Я заставила себя подняться, наконец, сняла мех. Главное понять, что значит для Фирела понятие «поздно вечером». Наверняка, не раньше одиннадцати, но готовой нужно быть раньше. На всякий случай.

Я наспех перекусила, заказав, наконец, в ресторане пасту с креветками, и забралась в теплую ванну, поставив на бортик стакан виноградного сока. Я всегда любила сидеть в ванной — в ванной мечтается. Но сейчас было не так. Я просто смотрела в огромное окно и старалась ни о чем не думать. Иначе сойду с ума. Чувствовала себя ящерицей на холодном камне, впадающей в анабиоз: все замедляется, глохнет, перестает иметь значение.

В девять я уже была готова. Крутилась в ванной перед огромным зеркалом, придирчиво разглядывая себя. Не страдая от ложной скромности можно сказать, что я была идеальна. Корсет сидел, как надо, выгодно подчеркивая высокую

грудь. Воздушные оборки придавали кокетства. Я была похожа на одну из красавиц далеких веков, когда женщины носили лишь долгополые платья. Хотя... я усмехнулась. Вероятнее всего я походила на шлюху из очень дорогого старинного борделя. В сущности, так и было. Я горела пожаром, порочно-красным. Волосы блестящими платиновыми волнами струились по плечам. Стойкая алая помада идеально довершала образ, аппетитно поблескивая влажным гляncем. Если Фирел останется равнодушным... Эта мысль привела в полнейшую растерянность. Тогда у него в груди нет даже камня. Я раздраженно поджала губы: плевать на сердце — тогда и в штанах ничего нет.

Он не заставил себя ждать. Я услышала писк оставленного на прикроватной полке коммуникатора.

— Мелисса, вы хотели говорить со мной. Я жду вас в кабинете.

Я несколько раз глубоко вдохнула, взяла из органайзера таблетку медулы и спрятала за корсажем. На всякий случай. Запахнула короткий шелковый халатик, из-под которого соблазнительно выглядывали подвязки чулок, и решительно вышла из спальни, цокая каблучками.

22

Я остановилась перед дверью, слушая, как отчаянно колотится сердце. Больше не хочу раздумий. Сразу решительно дернула за ручку и вошла.

Фирел сидел за столом с неизменным бокалом виски. В

неизменной серой рубашке. Пиджак знакомо валялся в кресле — видимо, это привычка, тоже неизменная. Странная привычка, идущая вразрез с образом консервативного педанта. Впрочем, как и весь его кабинет. Если бы не знала — ни за что бы не поверила, что этот бардак принадлежит Фирелу. Едва я вошла, он бросил ничего не значащий взгляд, и тут же принялся листать какие-то бумаги на столе, подчеркивая пренебрежение. На переносице залегла жесткая складка.

— Добрый вечер, Мелисса, — он не оторвался от листов.
— Вы хотели говорить со мной. Я вас слушаю.

Будто ничего не случилось, будто я не стояла перед ним полуголая. Я жадно вглядывалась в его лицо, надеясь уловить хоть что-то, малейшую перемену. Но поиски были тщетны. И я просто молчала, не понимая, что ему сказать. Я впрямь надеялась, что говорить не придется. Мой вид довольно красноречиво и неприкрыто вопил о том, зачем я здесь, но, видимо, кому угодно, только не Фирелу.

Он поднял голову:

— Если вам нечего мне сказать — скажу я. Мне доложили, что вы сегодня отключали коммуникатор. Это правда?

Конечно, коммуникатор! Что же еще может интересовать его в данную минуту. Внутри закипало возмущение. Я мучительно хотела, чтобы он хоть как-то отреагировал. Что уж там, я хотела, чтобы он смотрел на меня так, как аль-Зарах. Чтобы говорил как аль-Зарах. Правда хотела, каким-то порочным женским естеством. Не потому что это моя работа, а

потому что это мое желание. Он нравился мне с тех пор, как я увидела его досье. Но только сейчас поняла, насколько. Не могла обозначить, чем именно, у меня не было опыта, лишь гребаная теория, но его холодность причиняла почти физическую боль. Как невыносимая сладкая мука, потому что его присутствие разгоняло кровь. Я вспоминала его поцелуи, его руки и поймала себя на том, что шумно и сбивчиво дышу сквозь приоткрытые губы. Неужели его это не трогает?

— Нет, — я будто ответила сама себе. Сглотнула и показала головой.

— Это ложь.

Я опустила глаза. Просто молчала, чувствуя себя школьницей, которую отчитывают за курение в туалете. Или за слишком короткую юбку.

Фирел оторвался от бумаг и пристально смотрел на меня:

— Зачем вы это сделали? Не отрицайте, вы это сделали.

Метод Дарки совсем не работал. Я «оторвала руку», но никто не поверил что она не моя. Отпираться было бессмысленно — Фирел не тот человек, которого можно водить за нос. Но я не знала, что соврать.

Я с вызовом посмотрела ему в глаза:

— Хотела почувствовать себя в одиночестве.

Это было правдоподобно. В определенном смысле. Порой я отключала коммуникатор, чтобы «спрятаться». Еще тогда, до Центра. Отец несколько раз искал меня, потом ругал. Говорил, что едва не поднял полицию. А я просто бесцельно

слонялась по улицам или сидела у Дарки. Странное ощущение. Когда отключаешься от инфосети, возникает чувство отрезанности от мира, даже если вокруг многолюдно. Будто тебя запирают в стеклянном шаре, в который не проникают звуки. Кажется, даже воздух туда не проникает. Ты будто задыхаешься и ловишь себя на мысли, что мечтаешь только о том, чтобы вновь влиться в информационный поток. И, возвращаясь, испытываешь настоящее облегчение. Даже если весь день коммуникатор выполняет лишь функцию часов и не принимает ни одного оповещения. Но сегодня я ничего этого не ощутила. Я об этом попросту забыла. Некогда было слушать свое одиночество.

— Вы должны бросить старые привычки, — Фирел смотрел так, будто знал, о чем я думала. Смотрел сквозь призывную яркую оболочку и видел нутро. Будто знал мои повадки. — Отключать коммуникатор недопустимо. Вы слышите меня? Недопустимо.

Мне показалось, или он повысил голос? Неужели хоть что-то его все же пробило?

— Я вам запрещаю, — прозвучало холодно и бесстрастно, будто провели по коже куском льда. Показалось...

Я невольно вскинула голову. Запрещает... О да, по договору имеет полное право, но внутри все заершилось. Даже отец не позволял себе такую категоричность. Я сто раз твердила про себя инструкции, я знала их наизусть, но там слово «запрет» оставалось всего лишь словом. Совсем иначе зву-

чало сейчас.

Он запрещает.

Кажется, я все же не была к этому готова. И в Центре это допускали, но позволили занять должность. Небывалое снисхождение. В голове всплыли вчерашние слова Кейт, но теперь все это казалось заблуждением. Кейт ошиблась. Если бы Фирел захотел меня еще пять лет назад — он бы не вел себя так. Ему на меня плевать, вывернись я хоть наизнанку.

— Вы хотите лишить меня личного пространства?

Я пыталась его разозлить, зацепить хоть чем-то, чтобы сползла эта застывшая маска.

— Вы в моем окружении, Мелисса. У вас не может быть личного пространства.

Как же странно я себя чувствовала... Эти холодные слова отозвались дрожью в теле. Нет, не страхом. Чем-то томибельным. Странно и волнительно было осознавать, что другой человек имеет на тебя какие-то права, может позволять и запрещать.

Я кивнула:

— Я поняла вас, Пол.

Он поднялся, направился к маленькому бару в нише, плеснул еще виски:

— Вы хотели что-то сказать мне. Я слушаю.

Он замер с бокалом, смотря через прищур. Если я сейчас струшу, то можно будет просто уходить. Убираться вон. Но я медлила. Мне даже показалось, что Фирел едва заметно

усмехнулся. Глупо думать, что он не понял моих намерений. Потому и издевался. Он отошел к окну, опустился в мягкое кресло и взял из стопки на маленьком столике один из старомодных бумажных журналов.

— Если вам нечего сказать, вы можете идти.

Меня бросало в жар, сердце колотилось, как безумное. Что я за женщина, если не могу соблазнить мужчину, которого хочу? Я потянула краешек широкого пояса, и халатик скользнул к ногам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.